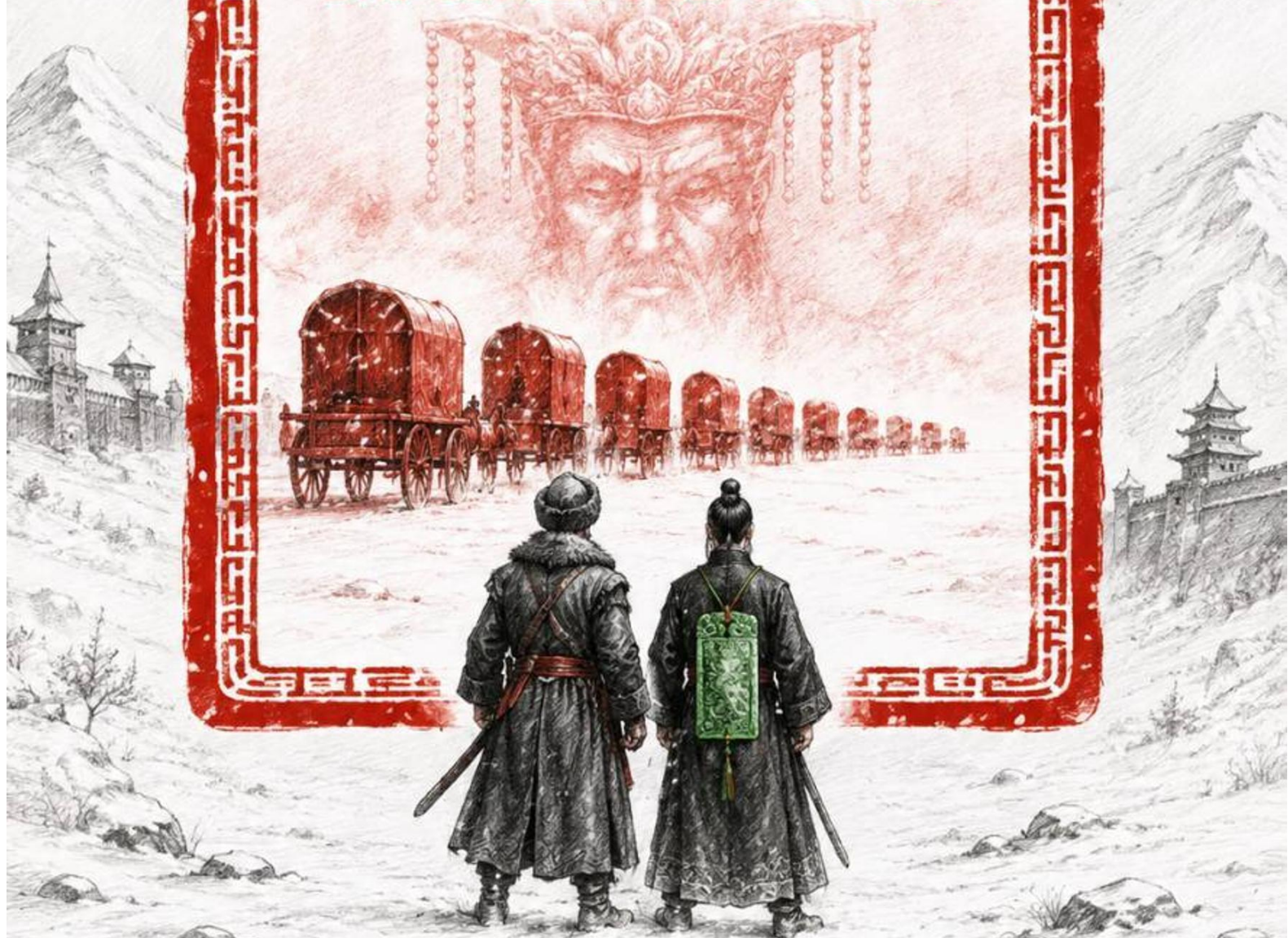

Виктор Алеветдинов

КРАСНЫЙ КАРАВАН МЁРТВЫХ ИМПЕРАТОРОВ

Печати Небесной крови

Книга 5

ИСТОРИКО-МИСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

18+

Виктор Алеветдинов

**Красный караван мёртвых
императоров. Печати
Небесной крови. Книга 5**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Красный караван мёртвых императоров. Печати Небесной крови.
Книга 5 / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Зима 1654 года. По Кашгарскому пути движется Красный караван — девять повозок-саркофагов, не оставляющих следов на снегу. Внутри хранятся не тела, а память мёртвых правителей. Она умеет отдавать приказы, подчинять живых и выбирать себе нового хозяина. Глеб Воронеж и Ли Шэньюэ входят в охрану под чужими именами, разыскивая фрагмент Белого Пороха. Но вскоре понимают: все охотятся за десятым грузом, которого нет в реестре. Засады, ледяные переправы, город, исчезающий на рассвете, и восстание императорских голосов превращают путь в смертельную ловушку. Чтобы остановить караван, Глебу придётся впустить в себя память девяти властителей — и поставить на кон то, что нельзя вернуть.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Караван без следов	5
Глава 1. Красное на белом	5
Глава 2. Цена чужого имени	10
Глава 3. Волчье Горло	15
Глава 4. Первый саркофаг	20
Глава 5. Половина охраны	25
Глава 6. Красная присяга	30
Глава 7. Совет Полководца	35
Глава 8. Хозяин каравана	41
Часть II. Девять правителей	47
Глава 9. Император мер и зерна	47
Глава 10. Одна версия правды	52
Глава 11. Ошибка переводчика	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Виктор Алеветдинов

Красный караван мёртвых императоров. Печати Небесной крови. Книга 5

Часть I. Караван без следов

Глава 1. Красное на белом

На зимний торг Глеб вошёл со стороны конных рядов. Так было условлено: он — через лошадей, Савва — через лекарские навесы, Боро — вместе со степными возчиками. Ли должна была появиться у писцов позднее, когда найм уже начнётся.

Снег на площади утоптали до серой корки. Лошади дышали паром, торговцы спорили из-за овса. Глеб остановился у жерди, за которой стояли кони для дальней дороги. Ему сразу предложили гнедого мерина с белым пятном на морде.

— Спокойный, — сказал продавец. — Камня не боится, выстрела не боится, ночью не храпит.

Мерин повернул голову и укусил хозяина за рукав, прежде чем тот успел закончить.

— Зато правду любит, — заметил Глеб.

— Значит, с тобой поладит.

Глеб оставил коня и пошёл к стоянке Красного каравана. Под полушубком висел короткий меч, топор был за поясом, нож — в сапоге. На торгу он назывался Григорием Вороном.

Стоянку огородили верёвкой. За ней стояли девять колёсных повозок в широких зимних полозных рамах. Рамы поднимали колёса над снегом; на твёрдой дороге их можно было разомкнуть и опустить повозки на колёса. Красная краска скрывала древесные прожилки. На бортах не было ни гербов, ни торговых знаков.

Между третьей и четвёртой повозками оставался чистый прямоугольник снега. Рабочие обходили его по краю. Один нёс мешок с просом, заступил внутрь и едва не упал. Товарищ дёрнул его назад так резко, что часть зерна высыпалась. Глеб осмотрел снег: ни верёвки, ни колышков, ни ямы.

— Наём в охрану здесь? — спросил он у караульного.

Тот указал на навес у писцовой палатки, перед которым ждали два десятка людей. За столом сидел худой человек лет сорока в тёмном халате — Мирза Алим. Он записывал имена быстро, а на руки смотрел раньше, чем на лицо. Рядом переводила девушка в синей шапке. Ей было лет восемнадцать. Она переводила с тюркского на монгольский и китайский, не теряя нити разговора. Савва уже стоял у крайнего столба с корзиной лекарственных пузырьков.

— Савва Корень, — объявил он. — Лечу раны, живот и дурной нрав. Последнее дороже.

— Дурной нрав не лечится, — сказала переводчица.

— Тогда беру за наблюдение.

— Поручитель? — спросил Алим, не поднимая головы, когда охранники усмехнулись.

— Мои пациенты. Живые подтвердят, мёртвые спорить не станут.

Девушка перевела, велела Савве ждать у лекарской телеги и подозвала Боро. Та представилась как Боро-Нойон и заявила, что знает зимний проход через Волчье Горло.

— Нойон без людей? — спросил Алим.

— Людей я оставила там, где они слушают.

— А здесь?

— Здесь сначала проверю, — ответила Боро, оглядев охранников.

Алим потребовал метки проводника. Боро высыпала четыре камня с насечками. Два она подобрала утром, остальные вырезала ночью Саввиным ножом. Писец отправил её ко второму навесу.

Ли появилась последней. Капюшон скрывал волосы, нефритовые пластины она убрала, оставив на виду одну. Глеб не повернул головы, лишь дважды постучал пальцем по ножнам: девять повозок, охрана усилена.

Ли поправила рукав: вижу, не спеши. Переводчица заметила обмен и посмотрела на них по очереди.

— Имя? — спросил Алим по-тюркски, когда подошёл Глеб.

— Григорий Ворон.

— Русский? — Алим остановил кисть над бумагой.

— Был им и не жаловался.

— А теперь?

— Теперь ищу плату.

— Где служил?

— На восточной границе. В караванах. В дружине.

— У кого?

— У людей, которые не любят, когда их имена повторяют на торгу.

— Значит, выгнали.

— Значит, выжил.

— Лекарь сказал, что встретил вас вчера на дороге из Кузнецкого острога, — девушка наклонилась к строке. — Проводница утверждает, что вы пришли с юга. Женщина у конца очереди назвала ту же стоянку, что и вы, но другой день.

— Молодая госпожа хорошо слушает, — сказал Савва, кашлянув в кулак.

— Это моя работа.

— Как зовут? — спросил Глеб.

— Чэнь Мэй.

— И что теперь?

— Ваши истории не совпадают.

— Мы потому и нанимаемся по одному. В хорошей истории люди заранее договариваются.

— Чэнь Мэй, переводи только сказанное, — приказал Алим, заметив её улыбку.

— Он это и сказал.

Алим указал на дощатую платформу за навесом. Она была длиной в четыре шага и поднята над снегом на высоту колена. Посередине стоял треножник с восковой чашей, до половины наполненной тёмной кровью. Глеб снял полушубок, отдал меч с топором и вынул нож из сапога.

— Два противника, — сказал писец. — Оружие учебное. Чашу не уронить. За край не сходить. Нарушишь приказ — уйдёшь.

— А если они нарушат?

— Они уже приняты.

— Ещё? — спросил Алим.

— Найдёшь — оставлю тебе.

На платформу поднялись двое. Один взял деревянную саблю, второй — короткое копьё. Они встали по сторонам чаши.

— Начали.

Копейщик ударил в грудь. Глеб перехватил древко и потянул, но охранник навалился всем весом. Глеб отпустил копьё, и тот едва удержался у края.

Сабля попала Глебу по плечу. Он принял второй удар на предплечье, вошёл ближе и толкнул противника бедром. Тот качнулся к треножнику, но успел остановиться. Охранники берегли чашу не хуже собственной головы.

Копейщик ударил по ногам, сабельник зашёл сбоку. Приказ Алима был ловушкой: чашу должны были сбить руками нанимаемого.

Глеб зажал древко локтем, ударил копейщика ладонью в лицо и развернул его оружие. Конец копья задел ножку треножника, и чаша качнулась. Глеб прижал опору носком сапога. Кровь плеснула на край, но не пролилась. Восковая стенка прогнулась к его руке, словно её нагрели. Тёмная капля поползла вверх и замерла напротив старого шрама на ладони. Алим это увидел, но лицо его не изменилось.

Сабельник метил в висок. Глеб пригнулся и бросил его через бедро. Копейщик ударил сзади, но древко прошло над головой и попало лежащему в грудь.

Глеб вырвал копьё, прижал его ногой к настилу и дёрнул. Через миг один противник лежал, второй стоял у края с пустыми руками. Упавший разбил губу и всё слышал.

— Добей лежащего, — сказал Алим.

— Испытание окончено? — Глеб посмотрел на него.

— Когда я скажу.

— Чем добить?

— Ею придётся долго, — сказал Глеб, когда Алим кивнул на деревянную саблю.

— Значит, покажешь терпение.

Глеб поднял саблю. Охранник напрягся, но головы не отвернул. Глеб положил оружие рядом с его рукой.

— Вставай.

— Я приказал добить.

— Я услышал.

— Почему не исполнил?

— Вам нужен человек, который охраняет груз. Мёртвый охранник его не охраняет. Если нужен палач, ставьте другую цену.

Савва отвернулся к корзине, Боро перестала перебирать камни. Ли не двигалась. За пологом палатки звякнул перстень о чашку, и Алим подошёл ближе.

— Ты часто решаешь, какой приказ разумен?

— Когда приказ касается моей работы.

— А если ошибёшься?

— Отвечу сам.

— Удобно.

— Удобнее, чем отвечать за чужую глупость.

Чэнь Мэй перевела без пропусков. Полог отодвинулся. Наружу вышел мужчина старше пятидесяти в длинной меховой одежде. На правой руке блестел перстень с красным камнем.

— Хасан-Бек аль-Кашгари, — тихо сказал Савва.

— Он отказался? — Хозяин каравана посмотрел на Глеба.

— Да, — ответил Алим.

— Почему ты его не выгнал?

— Остальные выполнили приказ.

— Ты считаешь себя умнее моего писца? — Хасан-Бек повернулся к Глебу.

— Нет. Ваш писец проверяет пределы.

— И где его предел?

— Пока не увидел.

— А твой?

— За хорошую плату покажу часть.

Чэнь Мэй улыбнулась.

— Возьми его в передовой десяток, — велел Хасан-Бек. — Там пределы показывают быстро.

Хасан-Бек вернулся в палатку. Алим поднял восковую чашу. Капля внутри всё ещё держалась на стенке напротив Глеба.

— Кровь для найма. Один порез. Имя называешь сам.

Глеб надрезал большой палец.

— Григорий Ворон.

Капля упала. Кровь в чаше разошлась узкой дорожкой от края к середине. Воск обжёг палец, хотя Глеб уже убрал руку. Под ключицей отозвался старый шрам. Печать приняла кровь, названное имя ей не понадобилось. Алим закрыл чашу крышкой.

— Передовой десяток. Жалованье после Девярых ворот. За повреждение груза платишь телом.

— Каким именно?

— Тем, которое окажется ближе.

— Хороший договор. Сразу хочется служить подольше.

— Ты ещё можешь уйти.

Глеб посмотрел на красные повозки.

— Сначала покажите реестр.

— После пробного движения.

Через час нанятых разделили на десятки и выдали кожаные бирки. Глеб получил место у первой повозки. Он проверил сцепку и крепления полозной рамы. В передней оси сидел новый металлический штифт, слишком дорогой для обычной телеги. На шляпке белел неглубокий надрез.

Глеб не задержал взгляд: фрагмент чертежа Белого Пороха могли разделить между деталями.

Возчики повели животных. Девять повозок тронулись одновременно, хотя команды прозвучали с задержкой. Полозья продавили снег почти на ладонь. Красные ремни натянулись, и пустой прямоугольник между повозками тоже сдвинулся вперёд.

Мальчишка с ведром шагнул внутрь него, но старший возчик схватил его за ворот и выдернул обратно.

— Не видишь? — рявкнул он.

— Чего?

Возчик поднял руку, но не ударил.

— Ходи за людьми.

Караван дошёл до края торго, развернулся и вернулся. Алим допустил новых охранников к походному реестру. На верхнем листе были пронумерованы девять повозок и указано, сколько корма положено животным на пять дней. Строку о грузе закрывала красная полоса ткани.

— Полный реестр после присяги, — сказал Алим.

— А это что было?

— Проверка.

— Я думал, проверяли повозки.

— Повозки прошли.

Глеб вышел за верёвку. Савва требовал у продавца уступить цену за гнедого мерина. Боро присела у края стоянки, Ли стояла возле писцов рядом с Чэнь Мэй. Они не подходили друг к другу.

С северной стороны снег после движения должен был хранить глубокие борозды. Следы сапог и копыт остались, полозьев — нет.

Он нашёл место разворота первой повозки. Снег уже поднялся прежними буграми. Глеб провёл ладонью по поверхности. Корка была холодной, без свежей крошки.

— Я поставила камень у заднего полоза, — сказала Боро, подходя сбоку.

— Где он?

— Снова у моей ноги. — Боро показала плоский камень со свежей насечкой.

— Людей дорога помнит, — сказал Глеб.

— Караван — нет.

— Передай Ли.

Через несколько минут Ли прошла мимо, не замедлив шага.

— У первой повозки осевой штифт с белым надрезом, — тихо сказал Глеб. — Следы полозьев исчезают. Людские остаются.

— Твоя кровь?

— В чаше.

Пальцы Ли сжались под рукавом.

— Ты должен был только войти в охрану.

— Я вошёл.

— Глеб.

Чэнь Мэй, стоявшая в нескольких шагах, подняла голову.

— Григорий, — исправилась Ли. — Не трогай штифт.

— Пока не собирался.

— Это означает, что собирался позднее.

— Хорошо, что мы всё ещё понимаем друг друга.

Ли ушла к палатке, а Чэнь Мэй подошла к Глебу.

— Она назвала вас другим именем.

— Случается.

— Я должна сообщать Алимину о лжи.

— Сообщай. Только выбери одну. Все сразу он может не оценить.

— Вы четверо плохо притворяетесь незнакомыми.

— Зато хорошо остаёмся живыми.

— Это ещё надо проверить.

Она вернулась к столу. Глеб проводил её взглядом. Девушка была внимательнее, чем им требовалось, и молчала не бесплатно.

К вечеру его бирку внесли в передовой десяток. Он получил право видеть сменный лист охраны и обязанность явиться до рассвета с едой на три дня. Полного реестра ему не дали. Зато кровь осталась у Алима, а шрам под ключицей ныл при каждом повороте к красным повозкам.

Рабочие разошлись к кострам. Девять повозок темнели на снегу. Между ними сохранялся чистый прямоугольник.

Глеб уже собирался уйти, когда снег внутри пустого места просел. Появилась красная черта. Она прошла поперёк прямоугольника, повернула и замкнула четыре стороны там, где не стояло ни повозки, ни груза.

Он не стал звать охрану. Ли остановилась у палатки, Боро поднялась от костра, Савва прекратил торговаться за мерина. Все четверо смотрели на красную рамку в снегу. Место десятой повозки теперь было отмечено яснее, чем остальные девять.

Глава 2. Цена чужого имени

После полудня у палатки писца стало теснее. Охранники получали бирки, а возчики спорили о корме. Красная рамка в снегу исчезла, но люди по-прежнему обходили пустое место между повозками.

Ли дождалась, пока Глеб уйдёт к передовому десятку, и подошла к столу Мирзы Алима. На людях она называлась Линь Юэ. Имя быстро забывали, а Ли не путалась при резком оклике.

Чэнь Мэй сидела у входа и грела пальцы над жаровней. Перед ней лежали три листа, прижатые камнями. Тексты были составлены на китайском, тюркском и монгольском.

— Проверяющая печатей? — спросила Чэнь Мэй.

— Так записал ваш писец?

— Пока он записал: «женщина с нефритом, задаёт лишние вопросы».

— Обычно лишними объявляют вопросы после того, как на них нечего ответить.

Чэнь Мэй улыбнулась и подвинула ей скамью. Алим сидел за внутренним столом и разбирал новые бирки. Он слышал разговор, однако не вмешался.

Ли сняла перчатки. После Алтайской кузницы пальцы хуже переносили холод. Она положила рядом нефритовую пластину и придвинула китайский текст.

— Читай условия вслух, — сказал Алим. — Она сверит.

Чэнь Мэй начала с платы. Охраннику платили серебром, возчику добавляли корм для животных. За повреждение груза отвечал ближайший десяток, а долг виновного переходил хозяину каравана.

Ли следила за двумя другими листами. Перевод был точным. Чэнь не смягчала условий. На строке об отказе от пути она запнулась, затем продолжила:

— Нанятый может покинуть караван до выхода с торгового пункта. После выхода он возвращает полученную плату и имущество хозяина.

— Ещё раз, — сказала Ли, подняв ладонь.

Чэнь повторила. В китайском тексте после слов о плате оставалось место для четырёх знаков. На тюркском листе там шла короткая строка. Ли наклонилась ближе, но чернила побледили, едва девушка произнесла первые слова.

— Ты пропустила часть.

— Я перевела всю строку.

— Тогда прочитай тюркский лист медленнее.

Девушка взяла его обеими руками. Произнесла условие об уходе, дошла до середины и остановилась. Чернила под её пальцами стали серыми. Последние слова исчезли, оставив слабые борозды от пера.

— Я их видела утром, — сказала она. — Там было про долг.

— Как именно?

— Возвращение долга... и дальше тело. Или служба телом.

— Не угадывай.

Ли положила лист на стол и прижала край нефритом. Чернила вернулись. Вскоре проступила вся строка: ушедший до завершения пути возвращает долг телом тому, кто продолжит дорогу вместо него.

Чэнь прочитала про себя. Когда она открыла рот, слова снова побледили.

— Строка закрывается от голоса, — сказала Ли. — Произнести можно только безопасную часть. Позже хозяин сможет утверждать, что условие огласили полностью, а виноватой останется переводчица.

— Все три текста лежат открыто и имеют равную силу, — возразил Алим.

Ли разложила листы рядом.

— Китайский текст отдаёт первенство речи того, кто первым принял плату, тюркский — владельцу груза, монгольский — старшему проводнику. Равенства нет.

— Действительным будет решение того, кто способен вести караван дальше, — сказал Алим. — Прямые слова помогают врагу.

— Скрытые прежде всего удобны хозяину.

Чэнь потребовала право сверять договор, а не только переводить его. Ли поддержала требование и назвала отдельную плату: если переводчик отвечает телом, его работа не может считаться обычной. Алим переписал условие, но на слове «телом» перо зацепилось за бумагу, и чернила расплзлись пятном.

Переводчица заметила, что прямых слов не любит либо бумага, либо писец. Алим сообщил, что до решения Хасан-Бека Ли остаётся гостьей. Она напомнила о чае; вместо чая ей пообещали договор. Ли решила, что почти вошла в караванную родню.

Чэнь прикрыла рот ладонью, пряча улыбку. Алим посмотрел на неё, и она занялась листами.

Во двор Хасан-Бека её вели между навесами. У входа мастер подгонял бронзовый замок к деревянной раме. На снегу стояла миска с водой. Лёд треснул от середины к краям, хотя к миске никто не подходил.

Ли остановилась. Трещины сложились в знак закрытых врат, затем лёд снова стал гладким. Караван уже проверял её присутствие.

Хасан-Бек сидел у низкого стола. Перед ним стояла нетронутая чашка. Алим положил договор справа, Чэнь села у входа. Ли осталась стоять.

— Линь Юэ, — произнёс Хасан-Бек. — Из какой школы?

— Из той, которой больше нет.

— Удобный ответ.

— Удобнее длинной лжи.

— Пластину. — Хасан-Бек протянул руку.

Ли передала нефрит. Хасан-Бек осмотрел края и провёл ногтем по старой насечке.

— Клановый инструмент.

— Многие школы пользовались нефритом.

— Многие резали иначе.

— Тогда зачем спрашивать?

— Хочу услышать, какую ложь вы выбрали.

Ли промолчала. Хасан-Бек вернул пластину и указал на её руки.

— Ближе.

Он взял её за левое запястье и повернул ладонь к свету. Старые порезы почти исчезли. На правой руке сохранялась полоса после последней правки Семи Клинков.

— Вы переписывали круг, — сказал он.

— Я исправляла чужую работу.

— Это не одно и то же.

— Иногда разница появляется после того, как люди остаются живы.

— Мне нужен мастер, — сказал Хасан-Бек, отпуская её руку, — способный удержать память от распада.

— Память человека?

— Память груза.

— У дерева нет воспоминаний.

— У того, что закрыто внутри, есть.

Алим не пошевелился. Чэнь перевела вопрос и ответ, хотя все понимали китайскую речь. Так требовал порядок.

— Чинить печати я умею, — сказала Ли. — Удерживать личность без тела, имени и согласия не обещаю.

— Я не спросил о согласии.

— Поэтому я ответила.

— Караван должен дойти до города. — Хасан-Бек налил чай и подвинул чашку к Ли. — В пути замки могут повредить. Если память начнёт смешиваться, вы остановите распад.

— Что за город?

— Тот, где мне заплатят.

— Кто?

— Человек, который не любит лишних вопросов.

— У вас много общего.

— Вы получите место у внутренних повозок. — Хасан-Бек усмехнулся и поставил чашку перед собой. — Будете осматривать замки после каждой остановки. Самовольно открывать груз запрещено.

— Я подпишу, если договор даёт мне право осмотреть повреждённый груз.

— Замок.

— Груз. По замку нельзя понять, куда ушло давление. Если условие перешло внутрь, я должна видеть носителя.

— Внутри нет носителя.

— Тогда вам нечего скрывать.

— После повреждения замка вы осматриваете груз при мне или при Мирзе Алиме. — Хасан-Бек снял пальцем каплю с края чашки.

— Запишите.

— Сначала поручитель.

— Его нет.

— У мастера без школы всегда есть человек, который подтвердит имя.

— Имя подтверждает тот, кто им живёт.

— Красивый ответ для человека под чужим именем.

Пластина в рукаве нагрелась. Хасан-Бек проверял её происхождение.

— Моё имя записано перед вами, — сказала она.

— Линь Юэ.

— Этого хватит для платы и приказов.

— А для отказа от пути?

— Цена отказа уже скрыта в вашем договоре. Имя её не уменьшит.

Хасан-Бек взглянул на Алима. Писец едва заметно кивнул.

— Пусть подписывает. Поручителем будет её работа. Если первый повреждённый замок останется закрыт, место она сохранит.

Алим внёс в китайский текст право осмотра. Чэнь продиктовала ту же строку на двух других языках, затем сама сверила каждое слово.

— Здесь написано «при хозяине», — сказала она. — В тюркском — «при владельце права». Это может быть другой человек.

— Исправь на «при Хасан-Беке или Мирзе Алиме», — сказала Ли.

— Вы уже распоряжаетесь моей переводчицей, — заметил Алим.

— Пока только вашим договором.

Чэнь переписала строку. Алим подал Ли кисть, рядом поставил чашу с красной краской.

— Кровью не подписываю, — сказала она.

— Это киноварь.

— На вашем столе всё имеет второе назначение.

— Тогда используйте свои чернила.

Ли обмакнула кисть в тушь и написала: «Линь Юэ». Имя легло чисто. Она поставила кисть на подставку.

У края листа выступила алая точка. Порез на среднем пальце открылся, хотя кожа оставалась целой. Кровь проступала из бумаги и собиралась в знак: две расходящиеся линии, пересечённые короткой чертой. Знак клана Ли.

Чэнь Мэй втянула воздух. Хасан-Бек наклонился к столу. Алим взял песок для просушки и высыпал его поверх подписи, закрыв рисунок раньше, чем тот завершился.

— Чернила расплылись, — сказал он.

— Разумеется, — ответила Ли.

— Перепишем лист.

— Нет. Этот уже признал подпись.

Алим стряхнул песок. Кровавый знак исчез, но бумага потемнела.

— Вы уверены? — спросил Хасан-Бек.

— Караван уверен.

За стеной мастер уронил молоток и выругался. Чэнь Мэй перевела ругань на китайский шёпотом.

— Вы приступаете сегодня. — Хасан-Бек откинулся назад. — Проверьте внешние замки до ночи. Мирза Алим даст список.

— Все девять?

— Все.

— И пустое место между ними?

— Там нет повозки, — сказал Алим и посмотрел на неё внимательнее.

— Тогда осмотр займёт меньше времени.

— Проверяйте то, что существует, госпожа Линь. — Хасан-Бек поднял чашку. — Остальное дорога покажет сама.

Ли забрала копию договора. Чэнь собрала переводы и вышла вместе с ней. Во дворе девушка остановилась у миски. Лёд снова треснул, на этот раз знаком раскрытого глаза.

По дороге обратно Чэнь спросила, была ли исчезающая строка известна Ли заранее. Ли объяснила, что заметила несоответствие между написанным и произнесённым и проверила причину. Алим мог обвинить переводчицу в сокрытии условия; именно для этого её посадили между тремя расходящимися текстами.

Ли посоветовала ставить собственную отметку под каждым переводом и не подписывать расхождение. Чэнь боялась потерять место, но такое увольнение хотя бы вынудило бы караван искать человека, готового отвечать телом за чужую ловушку. Девушка напонила, что Ли приняла без поручителя. Ли ответила: её узнал сам караван, и она ещё не решила, какая участь хуже.

Они вернулись в писцовую палатку. Алим подготовил список замков. Ли заметила, как он убрал отдельный лист в деревянный ларец и запер его ключом на шее.

— Копия договора, — сказал он. — Проверьте печать сгиба.

Он сложил три листа вместе. Китайский оказался сверху, тюркский под ним, монгольский внутри. Чэнь провела пальцем по краям.

Чэнь заметила, что китайский текст лежит сверху, и потребовала объяснить, почему именно он считается обязательным. Алим сослался на то, что первой подписалась Ли, но признал: спор решится по китайской версии лишь в том случае, если караван признает подпись. Ли напонила, что перед Хасан-Беким договор уже называли принятым. Писец уточнил, что говорил только о начале работы. За такие оговорки Алим и платили.

Переводчица разложила копии в порядке чтения и проставила на сгибах одинаковые короткие черты. Затем вынула из своей сумки обрывок синей нити и связала листы так, чтобы один нельзя было заменить отдельно. На китайской версии она отметила первую подпись, на

тюркской — владельца груза, на монгольской — старшего проводника. Три пометы не устранили противоречие, зато показывали, где именно оно спрятано.

Ли проверила узлы нефритом. Нить не нагрелась, потому что не обещала подчинения и лишь сохраняла порядок листов. Чэнь забрала одну связку себе, вторую оставила на столе под камнем, третью потребовала положить в ларец при ней. Теперь исчезнувшую строку пришлось бы подменять вместе со следами её рук и отметкой переводчика.

Алим сложил договор по старым линиям и прижал ладонью. Бумага стала тёплой. Изнутри проступило девять красных пятен. Они походили на отпечатки пальцев, поставленные разными людьми.

Чэнь пересчитала пятна и перевернула лист. На обороте стояли девять красных отпечатков. Между четвёртым и пятым проступал ещё один. Он не имел цвета, но бумага там была вдавлена, словно невидимый палец долго давил на неё.

Ли коснулась бесцветного следа ногтем. Под кожей отозвался порез, которого не было.

— Чей это отпечаток? — спросила Чэнь.

— Того, кто ещё не подписал. — Алим спрятал лист в ларец и повернул ключ.

Ли посмотрела через открытый полог на пустое место среди девяти красных повозок. Снег там оставался чистым, однако договор уже оставил для десятого участника отдельное место.

Глава 3. Волчье Горло

Боро подняла караван до первого петушиного крика. На зимнем торгу ещё горели два костра, а над торговыми рядами стоял дым от сырого кизяка. Возчики ругались вполголоса, затагивая подпруги. Лошади не хотели выходить из тёплого навеса и упирались копытами в наст.

До Волчьего Горла было меньше двух часов. К полудню обещали снег, но Боро не верила тем, кто обещал погоду, сидя у печи. Над восточным хребтом уже тянулась мутная полоса. В проход надо было войти до неё.

Она проверила первую упряжь и нашла плохо затянутый ремень. Возчик попытался объяснить, что кожа на морозе сядет сама.

— Сядет, — согласилась Боро. — Вместе с повозкой на твою ногу.

Возчик затянул ремень и проверил пряжку второй раз.

Головной десяток собирал Караш, начальник охраны. Он был широк в плечах и говорил так, как говорят люди, уверенные, что громкость заменяет порядок. У первой красной повозки уже стояли Глеб и ещё шестеро нанятых. Савва пристраивал лекарский ящик к хвостовым саням. Ли должна была идти ближе к середине, где ей позволили осматривать замки.

Боро подошла к Карашу.

— В проходе первая красная повозка пойдёт третьей.

— Она всегда идёт первой.

— Сегодня впереди будут пустые сани.

— Хасан-Бек не нанимал тебя менять порядок.

— Он нанял меня провести караван.

Караш посмотрел на небо, потом на дорогу.

— Ты видела людей в горах?

— Пока вижу тебя. Этого достаточно, чтобы ждать беды.

Глеб отвернулся, скрывая улыбку. Караш это заметил и ткнул пальцем в его сторону.

— Григорий Ворон, поведёшь первую повозку.

— Проводник сказала, она пойдёт третьей.

— Я сказал — первую.

Глеб посмотрел на Боро. Она указала на пустые сани.

— Пovedёшь их. До входа в проход.

Он кивнул. Караш сжал губы и промолчал перед возчиками. Боро заметила, как он отвёл взгляд. Возражение командир оставил на потом, когда свидетелей станет меньше.

Караван вышел с торгового ещё в темноте. Колокольчики на упряжи сняли, чтобы звук не ходил по ущелью раньше людей. Впереди шли двое разведчиков. За ними Глеб вёл пустые сани, нагруженные мешками с песком. Первая красная повозка двигалась под навесом из войлока, и её краска в сумерках казалась почти чёрной.

Боро ехала между разведчиками и санями. У развилки она спешила и положила у камня плоскую метку с тремя насечками. Через двадцать шагов привязала к кусту пучок белой шерсти. Ещё одну нить протянула над снегом у нижнего склона. Если ночью проходили люди, шерсть должна была порваться или вобрать ледяную крошку.

У входа в Волчье Горло первый разведчик поднял руку.

Проход сжимался между двумя скальными стенами. Справа склон уходил вверх уступами. Слева под снегом лежала осыпь, а за ней открывался обрыв. Две повозки там не разошлись бы. Поворот скрывал середину дороги.

Боро проверила нить. Она была цела, но под ней наст оказался надрезан узкой полосой. Человек прошёл выше, не касаясь метки, и снял верхний слой снега ножом или лопаткой. Подрез уходил к карнизу над дорогой.

Она поднялась на десять шагов и ткнула древком копья в склон. Снег отозвался пустотой.

— Дальше не двигаться, — приказала она.

Караш подъехал следом.

— Из-за чего?

— Карниз подрезан.

— Снег лежит крепко.

— Пока лежит.

— Мы потеряем время.

— Если войдём всем караваном, потеряем людей.

Караш спешился и топнул по насту. Ничего не произошло.

— Проводница боится снега.

— Умный человек боится того, что может его похоронить.

— А глупый?

— Проверяет пяткой.

Глеб кашлянул. На этот раз Караш не стал искать виноватого.

Боро велела двум людям подняться по нижнему уступу и осмотреть верхнюю полку. Сама вернулась к своей первой метке. Камень с тремя насечками лежал у её сапога.

Она остановилась. Развилка осталась далеко позади. Камень она клала у серого валуна, а здесь снег был чистым и скала поднималась отвесно.

Боро подняла метку, провела большим пальцем по насечкам и сунула её за пазуху. Затем нашла на кусте белую шерсть. Пучок оказался привязан там, где она стояла сейчас, хотя Боро помнила другое место.

К дороге подошёл Глеб.

— Нашла что-нибудь?

— Мои отметки вернулись.

— Ветер?

— Камни не ходят по ветру.

— Люди переставили?

— Тогда зачем привязывать мою нить тем же узлом?

Они оглянулись на караван. Красные повозки остановились перед входом. Следы людей, копыт и обычных саней тянулись от торга. За полозьями первой красной повозки снег уже поднимался, закрывая две глубокие борозды.

— Вчера было так же, — сказал Глеб. — Она стирает только собственный путь.

— Не только путь. Я помню, где поставила метку, но не могу показать место.

— Ты уверена, что не ошиблась?

Боро посмотрела на него.

— Спроси ещё раз, и поедешь впереди саней пешком.

— Значит, уверена.

Она вынула нож и срезала прядь с конского хвоста.

— Будем оставлять часть того, что идёт с нами. Каменная метка вернулась вместе с караваном. Оставим волос: если он окажется у нас, маршрут переносит и то, что принадлежит животному.

— Если вернётся?

— Тогда отрежу часть Караша. Её точно заметят.

Глеб кивнул на начальника охраны.

— Начни с языка.

— Большой груз. Придётся менять полозья.

С верхнего уступа раздался короткий свист. Один разведчик показал два пальца, затем прижал ладонь к скале. Двое наблюдателей лежали на полке над поворотом. Дальше могли быть ещё люди.

Боро вернулась к Карашу.

— Лучники наверху. Пустые сани идут первыми. За ними твои люди. Первая красная повозка останется под скалой до моего знака.

— Хасан-Бек запретил задерживать груз.

— Тогда пусть едет впереди него.

Хасан-Бек вышел из закрытых саней сам. На нём был меховой кафтан, у пояса висел короткий кривой клинок. Алим шёл рядом и нёс свёрнутый реестр под одеждой.

— Сколько людей? — спросил Хасан-Бек.

— Видели двоих, — ответила Боро. — Ждут у поворота. Карниз подрезан с верхней стороны.

— Проведёшь?

— Если будете выполнять мои приказы до выхода из Горла.

Караш шагнул вперёд, но Хасан-Бек поднял руку.

— До выхода она командует движением. Ты отвечаешь за бой.

— У прохода могут потребовать переговоров, — сказал Алим.

— Пусть требуют, — ответил Хасан-Бек. — Караван не стоит на чужой дороге дольше, чем нужно.

Боро велела снять с пустых саней два мешка. Один распорол и рассыпал песок по насту. Если снег начнёт двигаться, тёмная полоса покажет трещину раньше, чем карниз сорвётся. Глеб повёл сани в проход. За ним шли четыре охранника со щитами. Красную повозку отвели под скальный навес, где стрелы сверху не могли попасть в крышу.

Ли подошла к замку и приложила нефритовую пластину к бронзе.

— Не открывай, — сказала Боро.

— Я проверяю край.

— Быстро.

— Замок нагрет.

Боро коснулась бронзы тыльной стороной пальцев. Металл действительно был тёплым.

— От солнца? — спросил Савва, появившись с лекарским ящиком.

Над проходом едва светлело.

— Конечно, — ответила Ли. — Оно всю ночь грело замок изнутри.

Савва убрал руку.

— Тогда пусть продолжает без меня.

Первые сани дошли до поворота. Глеб поднял кулак. Дальше дорога казалась пустой. Песчаная полоса не двигалась. Боро послала вторую группу.

Стрела вошла в мешок на санях. Песок посыпался на дорогу. Ещё две стрелы пришли сверху, одна застряла в щите.

Глеб опрокинул сани на бок. Охранники укрылись за днищем.

— Щиты к скале! — приказал Караш, перекрывая свист стрел. — Лучники, бейте по полке!

Боро слышала свист с противоположного склона. Стрела вонзилась рядом с её сапогом. Нападавшие сидели по обе стороны прохода.

На верхней полке поднялся мужчина в волчьей шапке. Он держал лук опущенным и не прятался за камнем.

— Хасан-Бек! — окликнул он по-тюркски. — Я пришёл за тем, что ты украл у дороги.

Чэнь Мэй подбежала от писцовых саней и перевела на китайский. Хасан-Бек вышел из-под навеса, но остался за щитами.

— Назови себя.

— Тохта-Мерген. Ты знаешь это имя.

— Я знаю человека, который потерял свой караван и решил кормиться чужим.

— Мой караван потерял правителя. Твой везёт его голос.

Хасан-Бек не ответил. На верхней полке появились ещё лучники.

— Отдай десятый гроб, — продолжил Тохта-Мерген. — И человека, который умеет его открыть. Остальные проедут.

Боро увидела, как Глеб повернул голову. Он услышал оба требования.

— У меня девять повозок, — сказал Хасан-Бек.

— Гробов десять.

— Тогда ищи последний у себя.

— Он едет без полозьев. Ты собрал его из живых людей.

Алим шагнул к хозяину и сказал что-то тихо. Хасан-Бек покачал головой.

— Дорога открыта для торговли, — ответил Хасан-Бек во весь голос. — Убери людей.

— Отдай ключ.

— Переговоров не будет.

Тохта-Мерген поднял лук. Боро успела увидеть его пальцы на тетиве.

— Лечь! — скомандовала она.

Стрелы посыпались сверху. Одна пробила меховой ворот охранника, другая вошла лошади в шею. Животное дёрнулось, повалило возчика и потащило упряжь к обрыву.

Глеб бросился к ремню. Он перерезал постромку у самой дуги, и лошадь рухнула отдельно от саней. Возчик остался под полозом.

— Вытащи его и веди людей за скалу! — приказала Боро.

— А ты?

— Поднимусь к карнизу.

Глеб проверил положение саней и лёг на снег, просунул плечо под край и освободил ногу возчика. Двое охранников прикрыли их щитами.

Караш собирал людей для броска к верхней полке.

— Не поднимайся по центру! — сказала Боро. — Они ждут там.

— Если будем сидеть, нас перебьют.

— Иди вдоль левой стены. Я сброшу снег между вами.

— Там мои люди.

— У тебя есть время вывести их к повороту.

Караш посмотрел на склон. Ему не нравилось подчиняться, но стрелы уже били по упряжи.

— Три удара в щит, — сказал он. — После третьего сбрасывай.

Боро взяла копьё и полезла по нижнему уступу. Снег под сапогами трескался. Подрезанный карниз висел над дорогой, но нападавшие рассчитывали сорвать его на весь караван. Боро нужно было обрушить только среднюю часть и перекрыть обстрел с верхней полки.

Она вбила копьё в трещину и раскачала древко. Снег не поддался. Снизу донёсся первый удар в щит.

Ли стояла у красной повозки и держала нефрит на замке. От бронзы шёл слабый пар. Она что-то сказала Чэнь, и девушка побежала к Хасан-Беку.

Второй удар.

Боро сместилась выше, нашла место, где наст подрезали глубже, и вонзила копьё под пласт снега. Под ногами прошла дрожь. Она отпустила древко и поползла к камню.

Третий удар прозвучал раньше, чем люди Караша успели выйти из середины прохода.

— Рано! — Боро попыталась перекрыть треск карниза.

Карниз треснул.

Сначала вниз посыпалась ледяная крошка. Затем большая плита снега скользнула со склона и обрушилась на дорогу. Пустые сани перевернуло. Нападавших на нижнем уступе сбило к скале. Основную группу Тохта-Мергена отрезало белой стеной.

Но хвостовой десяток Караша остался за обвалом, снаружи прохода. Боро слышала их крики и частую стрельбу.

Она спустилась, цепляясь за кусты. Внизу Глеб уже собирал людей у поворота.

— Хвост отрезан, — сказал он.

— Вижу.

— Пойдём через верх?

— Да. Караш удержит дорогу. Ты берёшь четверых и идёшь за мной.

— Хасан-Бек приказал мне оставаться у первой повозки.

— В проходе команду я.

Глеб только проверил меч.

— Кого брать?

Боро указала на двух русских охранников и двоих людей Караша. Ли подошла ближе.

— Замок первой повозки нагревается. После обвала давление усилилось.

— Можешь закрыть его?

— Он пока закрыт.

— Тогда держи так.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Из-за снежной стены вылетела стрела. Она прошла над плечом Глеба и вонзилась в бронзовый замок первой повозки.

Раздался короткий звон. По бронзе побежала трещина. Из неё вышел красный пар и коснулся руки Ли. Она отдернула пальцы. На коже осталась красная полоса.

Возчики шарахнулись от повозки. Лошади потянули упряжь назад, но полозья не сдвинулись.

Изнутри прозвучали слова на незнакомом языке. Голос был мужским, спокойным и требовательным. Боро не поняла ни одного слова, однако люди вокруг выпрямились, как перед начальником.

Караш повернулся к повозке. Его лицо стало чужим. Он ответил теми же словами и тем же голосом.

Потом выхватил меч и указал на хвостовой десяток за снежным обвалом.

— Оставить их, — приказал он уже по-тюркски. — Караван должен пройти.

Глава 4. Первый саркофаг

Караш держал меч остриём к снежному завалу. Красный пар шёл из треснувшего замка ему за спину, но командир не оборачивался. Его лицо не изменилось после чужого приказа, только движения стали точнее.

— Оставить хвостовой десяток, — повторил он. — Головные повозки вывести из прохода.

За завалом стреляли. Отрезанные люди отвечали редко, берегли стрелы. Один из них звал лекаря.

Савва шагнул к снежной стене, но Караш перегородил ему дорогу.

— Назад.

— Там раненый.

— Он задерживает движение.

— Раненые этим часто занимаются, — сказал Савва. — Такая у них неприятная привычка.

— Не тратить людей на спасение одного.

Савва попробовал обойти его. Правая рука сразу согнулась у груди. Пальцы стиснулись так, что ногти прорезали ладонь.

Лекарский ящик упал в снег.

— Вот же дрянь, — выдохнул Савва. — Приказ мне не нравится, а руке понравился.

Глеб подхватил ящик и поставил у повозки. На запястье Саввы проступила красная полоса. Она тянулась под рукав к кожаной бирке найма.

— Не двигай рукой, — сказала Ли.

— Хороший совет. Она и без меня не двигается.

Ли прижала нефритовую пластину к его запястью. Полоса побледнела, но пальцы не разжались.

Караш дёрнул за длинный командный шнур, протянутый вдоль повозок. На нём звякнули бронзовые кольца. Десятники повернулись к нему.

— Стрелы не расходовать, — приказал он. — Хвостовые сани сжечь. Караван вывести.

Ближайший десятник повторил приказ. Его голос на последнем слове стал ниже. Второй десятник передал его дальше, и треснувший замок ответил коротким звоном.

Глеб посмотрел на Ли. Она тоже услышала связь.

Каждый повтор укреплял приказ.

— Боро! — крикнул Глеб.

Она стояла у края завала и проверяла склон копья.

— Через левый уступ можно пройти? — спросил он.

— Одному. Под скалой есть полка. Она выходит к хвосту.

— Сколько людей брать?

— Четверых. Верёвку и два щита.

Караш повернулся к ней.

— Ты больше не командуешь.

— Хасан-Бек передал мне движение до выхода из Горла.

— Условия изменились.

— Твоя голова тоже. Это не отменяет приказ Хасан-Бека.

Глеб взял верёвку с борта повозки.

— Показывай путь.

Караш шагнул к нему.

— Григорий Ворон, останешься у груза.

— Я иду по приказу проводника.
— Ты состоишь в передовом десятке.
— Поэтому верну тех, кто остался сзади.
— Они уже потеряны.

Глеб закрепил верёвку на поясе.

— Они ещё ругаются. Потерянные обычно тише.

Караш поднял меч. Глеб не потянулся к оружию. Между ними оставался один шаг, но ударить первым означало дать охране простой выбор: подчиниться командиру или защищать нового наёмника.

Боро стукнула древком по насту.

— Глеб идёт со мной. Это мой приказ.

Она впервые назвала его настоящим именем при чужих людях. Несколько охранников посмотрели на него, но Караш не заметил подмены. Или память внутри него не считала имя важным.

Глеб кивнул Боро.

— Веди.

Караш перехватил командный шнур левой рукой.

— Задержать их.

Десятник у второй повозки повторил:

— Задержать.

Двое охранников двинулись к Глебу. Первый шёл с мечом в ножнах, второй нёс щит. Оба выглядели растерянными, но ноги подчинялись приказу.

Глеб пропустил щитоносца мимо себя, схватил за ремень и толкнул в снег. Второму зажал руку с рукоятью и развернул к Карашу.

— Он приказал задержать, — сказал охранник сквозь зубы.

— Задерживай медленнее.

Глеб отпустил его и перепрыгнул на нижнюю сцепку между повозками. Стрелы били сверху, поэтому идти по дороге было нельзя. Он двинулся вдоль красных бортов, держась за железные скобы.

Под первой повозкой снег оставался чистым. Полозья давили на него, но борозда закрывалась почти сразу. За второй ещё виднелась тёмная полоса песка, рассыпанного Боро.

Караш снова дёрнул шнур.

— Переднюю повозку вывести за поворот.

Возчик поднял кнут. Лошади не тронулись. Красные ремни натянулись сами и потащили упряжь вперёд.

— Остановить! — приказала Боро.

Возчик бросил кнут и навалился на вожжи. Глеб прыгнул со сцепки, ухватился за боковую петлю и забрался в узкий проход между двумя повозками. Там шёл деревянный настил, связывавший груз в единую галерею. По нему могли двигаться охранники, не выходя под стрелы.

Караш стоял у начала настила. Командный шнур был обмотан вокруг его запястья.

— Отойди от повозки, — приказал он.

Внутри треснувшего замка что-то стукнуло. Рука Глеба сама ослабила хватку на скобе. Под ключицей обожгло место, где кровь приняла найм.

Он перенёс вес на другую ногу и продолжил идти.

— Отойди, — повторил Караш.

Глеб остановился перед ним.

— Сначала сними шнур.

— Я команду караваном.

— Уже нет.

Караш рубанул снизу. Глеб отступил на сцепку, пропустил клинок возле бедра и прижал его сапогом к настилу. Командир дёрнул оружие на себя. Глеб отпустил клинок и толкнул его плечом в грудь.

Командир отлетел к борту, но устоял. Он был сильнее, чем утром, и двигался без лишней осторожности. Чужая память не боялась повредить его тело.

Караш рванул шнур.

— Сжечь хвостовые сани.

Один десятник подтвердил приказ. Затем второй.

У отрезанной группы уже разжигали факел. Человек у саней держал огонь против воли: рука дрожала, но медленно опускалась к войлоку.

Глеб подбил локоть Караша ладонью. Меч выпал. Командир схватил его за горло, прижал к красному борту и потянулся к ножу.

Глеб просунул руку между витками шнура и дёрнул вниз. Кожа на запястье Караша лопнула. Бронзовые кольца звякнули, а повреждённый замок ответил тем же звуком.

— Приказ должен быть исполнен, — сказал Караш чужим голосом.

— Придётся разочаровать начальство.

Глеб упёрся ногой в колёсный брус и рванул шнур обеими руками. Крепление вышло из борта вместе с деревянным штифтом. Караш потерял равновесие.

Он врезался лбом Карашу в переносицу, вывернул руку и прижал его лицом к настилу. Потом намотал командный шнур ему на локти.

Караш ещё пытался говорить. Глеб затянул узел так, что командир мог дышать, но не мог подняться.

— Если продолжишь приказывать, перевяжу рот.

— Ты погубишь караван.

— Постарайся сказать что-нибудь новое.

Караш замолчал. Красная полоса на его виске стала бледнее.

Глеб поднял шнур. Бронзовые кольца не звенели.

На дороге один из десятников повернулся к хвосту.

— Сжечь сани, — приказал он.

Второй десятник повторил. У обоих на шее проступили красные пятна.

Чужая воля не исчезла вместе со шнуром. Она перешла в тех, кто уже подтвердил приказ.

— Ли! — позвал Глеб.

Она стояла у повреждённого замка. Красный пар обвивал нефритовую пластину и уходил в щель.

— Я не могу закрыть его снаружи, — ответила она. — Край погнут.

— Что внутри?

— Помоги отвести скобу.

Глеб оставил Караша связанным и подошёл к ней. Бронзовая пластина держалась на одном штифте. Они вместе подняли её. Щель расширилась на два пальца.

Изнутри пахло нагретым деревом.

Глеб ожидал увидеть ткань, кость или металлический ящик. За замком находились красные деревянные пластины. Их уложили одна на другую по форме человеческого тела. В верхней части лежали короткие дощечки, образующие голову. Длинные пластины заменяли руки.

На каждой шла одна строка.

Ли поднесла нефрит к щели.

— «Если проход закрыт, обоз уничтожить», — прочла она. — Здесь другое: «Раненый, который замедляет строй, считается потерянным».

— Это не человек.

— Это решения.

Внутри сдвинулась одна пластина. Надпись на ней стала ярче. Снаружи десятник снова приказал сжечь сани.

Ли повернула нефрит. Пластина погасла, но соседняя сразу вспыхнула красным.

— Их много, — сказала она. — Каждая ждёт подходящего приказа.

— Закрывай.

— Нужен рычаг.

Глеб просунул конец командного шнура в бронзовую скобу, обмотал вокруг поперечной балки и потянул. Ли направляла край замка пластиной. Бронза скрипнула, щель стала уже.

Красный пар обжёг Глебу лицо. Перед глазами появилась заснеженная равнина. По ней отступали люди, а за спиной горел обоз. Он знал, что нужно оставить раненых, иначе враг настигнет всех.

Глеб моргнул. Видение исчезло, но решение осталось ясным и разумным.

Приказ уже казался его собственным: оставить раненых и спасти остальных.

— Тяни, — сказала Ли.

Он потянул сильнее. Замок встал на место. Ли провела краем нефрита по трещине. На её пальце открылась ранка, и кровь легла вдоль бронзы короткой чертой.

— До ночи удержится, — сказала она. — Если приказы прекратятся.

— Они уже расходятся.

— Тогда выводите людей. Я задержу пластины.

Глеб вернулся к Боро. Она закрепляла верёвку на выступе.

— Полка узкая, — сказала она. — Идешь первым. У завала спускаешься к обрыву. Там стрелы сверху не достанут.

— Караш приказал сжечь сани.

— Сани оставим. Людей выведем.

— Там корм.

— Я знаю.

— На сколько?

— На четыре дня, если считать по полной норме.

Глеб посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Нет. Но снег и стрелы не будут ждать уверенности.

— Выполняю.

Он сказал это громко. Охранники услышали, кому он подчинился.

Глеб взял двух людей Караша и двух русских охранников. Они прошли по нижней полке под скалой. Приходилось двигаться боком, прижимаясь плечом к камню. Внизу темнел обрыв.

За завалом лежал раненый. Стрела вошла ему под ключицу. Савва добрался следом, несмотря на сведённую руку.

— Я думал, тебе приказали остаться, — сказал Глеб.

— Рука слушается приказа. Ноги в договоре не указаны.

Он сел рядом с раненым и прижал ткань к ране левой ладонью.

Хвостовой десяток укрывался за двумя саниями. Лучники Тохта-Мергена били с верхнего уступа. Факел лежал в снегу, войлок успел обуглиться.

— Сани не протащим, — сказал десятник хвоста.

— Людей протащим, — ответил Глеб. — Раненый идёт первым.

— Караш приказал оставить его.

— Караш связан.

— Тогда кто командует?

Глеб указал на Боро, стоявшую у края полки.

— Проводник.

Боро спустила вторую верёвку. Людей выводили по одному. Савва привязал раненого к щиту, и его протащили вдоль скалы.

Оставались две санные упряжи с кормом. Лошади металась под стрелами. Глеб перерезал постромки и вывел животных. Мешки пришлось бросить.

— Хасан-Бек снимет это с нашей платы, — сказал один охранник.

— Пусть сначала довезёт нас до места, где платят.

Последними уходили Глеб и десятник хвоста. Они опрокинули первые сани поперёк дороги. Вторые оставили у скалы. Лучникам пришлось менять позицию, и этого хватило, чтобы оба добрались до полки.

На внутренней стороне завала Боро остановила группу и пересчитала людей по именам. Один охранник не ответил с первого раза: после удара камнем он слышал только правым ухом. Савва посадил его у скалы, проверил зрачки и велел идти последним, держась за пояс товарища.

Верёвка, которой тянули щит с раненым, распустилась в середине. Боро отрезала повреждённый участок. От двух мотков остался один полный и кусок на три сажени. Один щит треснул по ободу, второй потерял ремень. Глеб не командовал. Он спросил охранников, что каждый сможет унести. Люди сами разобрали щит, лекарский ящик и освобождённые постромки.

Брошенный корм пересчитали по меткам на мешках. До следующей остановки не хватало почти половины дневной нормы. Двух спасённых лошадей поставили к лёгким саням, а верховых распределили между ранеными. Ораз снял с оставленной упряжи железную пряжку и сунул в мешок: после прохода запасных деталей стало меньше, чем целых сцепок.

Караша перенесли к первой повозке. Савва проверил ему дыхание и перевязал разбитое запястье, не развязывая локтей. Командир следил не за людьми, а за бронзовыми кольцами снятого шнура. Когда одно из них качнулось, красная полоса у его виска стала ярче.

Когда хвостовой десяток вернулся к каравану, Савва уже мог шевелить двумя пальцами. Ли не отходила от замка. Красная черта на бронзе почернела, но держалась.

Караш лежал связанным у борта. Он смотрел на своих людей и молчал.

Глеб подошёл к двум десятникам, которые повторяли его приказы.

— Командование переходит Боро до выхода из прохода, — сказал он. — Подтвердите. Они одновременно повернули головы.

Движение было одинаковым, вплоть до наклона подбородка. Красные пятна на их шеях поднялись к щекам.

— Пустое знамя, — произнесли они одним голосом.

Остальные охранники отступили. Десятники смотрели только на Глеба, а под закрытым замком красные деревянные пластины снова начали двигаться.

Глава 5. Половина охраны

К вечеру караван вышел из Волчьего Горла и встал за перевалом. Здесь склон расширялся, а ветер сдувал снег до камней. Повозки поставили полукругом, чтобы прикрыть людей от выстрелов с дороги. Хвостовой десяток вернулся не весь: один охранник умер при переносе, двое лежали в лекарской повозке, ещё трое не могли поднять руки после приказа Караша.

Самого Караша привязали к оси. Он сидел спокойно и смотрел на костёр. Красная полоса на виске ушла под волосы, но чужой голос больше не появлялся. Два десятника стояли рядом, связанные одним шнуром. Они поворачивали головы одновременно.

Ли велела перенести всех, кто повторял приказ оставить раненых, к лекарской повозке. Остальных оставили у костров. Хасан-Бек потребовал связать половину охраны сразу, однако Ли отказалась.

— Свяжете всех — не поймём, кто ещё подчиняется.

— У меня нет времени на ваши опыты.

— Тогда продолжайте путь с людьми, которые по первому слову сожгут вам сани.

Хасан-Бек посмотрел на Алима.

— До рассвета, — сказал он. — Потом выходим.

— До рассвета я скажу, кого можно ставить в караул.

— И кого придётся оставить?

— Живых не оставим.

Хасан-Бек ушёл к своей повозке. До утра он позволял ей действовать, но следующую задержку уже не примет.

Савва разложил на снегу три кожаные бирки найма.

— Начнём с тех, у кого сводит руки. У одного пальцы разжались после того, как Карашу перевязали рот. У двух не разжались.

— Значит, дело не только в звуке.

— Я рад. А то рука уже решила, что виноват я.

Он показал ладонь. Под кожей у запястья тянулась красная черта, а пальцы двигались с задержкой.

Ли коснулась шрама нефритовой пластиной. Черта отозвалась коротким толчком. Приказ держался там, где кровь коснулась чаши найма.

— Рана помнит первый подтверждённый приказ.

— Хорошая рана. Моя память хуже.

— Что ты слышал первым?

— В проходе Караш приказал не расходовать стрелы. Я велел стрелкам беречь колчаны.

Ли снова прижала нефрит. Красная черта стала темнее.

— Ты сам передал приказ. Поэтому шрам признал тебя частью цепи.

Савва посмотрел на руку.

— Всю жизнь учил людей слушать лекаря, а теперь сам попался на полезном совете.

Ли велела привести шестерых охранников. Среди них были оба десятника, русский лучник и молодой возчик, который повторил приказ о сожжении саней, но факел бросил.

Она поставила их в два ряда. Связанных не развязывали.

— Будем давать простые приказы, — сказала Ли.

— Простые у вас обычно заканчиваются кровью, — заметил Савва.

— Поэтому начнёшь ты.

Он подошёл к первому десятнику.

— Подними левую руку.

Десятник поднял правую.

— Теперь опусти.

Обе руки остались поднятыми.

Савва позвал обычного охранника.

— Скажи ему: сесть.

Охранник передал приказ. Десятник сел сразу. Второй связанный опустился вместе с ним, хотя к нему не обращались.

Ли проверила их запястья. Шрамы нагрелись одновременно.

— Теперь скажи встать, — велела она молодому возчику.

Тот произнёс приказ, но десятники не шевельнулись.

— Почему его не слушают? — спросил Савва.

— Он не командир. Печать использует готовый порядок.

Ли перешла к русскому лучнику.

— Возьми кружку.

Он взял.

— Поставь на снег.

Лучник выполнил.

— Савва, скажи ему удерживать кружку.

— Держи.

Лучник снова поднял её. Ли велела другому охраннику забрать кружку. Рука лучника сжалась, хотя он сам пытался разжать пальцы.

— Больно?

— Нет. Только рука не моя.

— Чей приказ ты подтвердил?

— Караш велел не тратить стрелы. Потом десятник приказал оставить сани. Я сказал: «Понял».

Ли провела нефритом вдоль шрама. Под пластиной выступили два коротких следа. Первый был слабее, второй держался глубже.

— Первый приказ задаёт путь. Следующие входят по нему.

— Можно вырезать шрам?

— Тогда приказ перейдёт в свежую рану или к ближайшему начальнику.

Лучник выругался и поставил кружку сам. На этот раз пальцы разжались.

Ли продолжила проверку. Одержимые подчинялись командиру даже тогда, когда смысл был бытовым. Чем чаще человек повторял распоряжения Караша, тем быстрее реагировал.

Половина охраны оказалась связана не одинаково. У одних шрам только нагревался. У других приказ уже управлял движением. Два десятника могли передавать его дальше.

Савва сразу разделил раненых. Тех, кто отвечал на своё имя и мог сам назвать боль, он уложил ближе к огню. Людей с одинаковым взглядом оставил у борта повозки, под присмотром двух стрелков. Лекарств было мало: чистую ткань берегли для глубокой раны, горячую воду грели в одном котле. После потери саней каждый бинт пришлось считать. Ли это устраивало. Там, где нельзя тратить запас без меры, легче увидеть, кто действует по привычке, а кто ждёт приказа.

— Их надо отделить, — сказал Савва.

— Двумя рядами. Между ними поставить барабан.

— Почему барабан?

— Шнур Караша звенел перед каждой командой. Повозка отвечала замком. Приказу нужен ритм подтверждения.

— Дадим другой?

— Дадим предел. Пока барабан молчит, новый приказ не считается переданным.

Савва посмотрел на её руки.

— Ты уже решила, чем писать.

— Кровью.

— Я надеялся на кашу. Она удерживает людей возле котла лучше любой присяги.

Ли выбрала походный барабан Караша. На ободке ещё висел командный шнур. Глеб снял его и положил рядом.

— Что нужно? — спросил он.

— Поставить барабан между рядами. Никому не касаться кожи.

— Одержимых держать связанными?

— Только тех, кто передаёт приказы.

— Ты уверена, что остальные не нападут?

— Нет.

— Хорошо. Значит, всё как обычно.

Он не стал спрашивать о цене. Ли была благодарна и злилась на него за это одновременно.

Она протянула шнур вокруг барабана и закрепила его на двух кольцах. Нефрит положила на кожу, разрежала палец и провела кровью по внутренней стороне обода.

— Новый приказ входит только после трёх ударов. Пока барабан молчит, шрам не принимает команду.

Один десятник дёрнулся. Второй повернул голову к Ли.

Кровь впиталась в дерево. Барабанная кожа прогнулась к центру. У одержимых одновременно напряглись запястья.

Ли провела вторую линию. Пальцы правой руки онемели, и кисть едва удержала нефрит.

Глеб шагнул ближе.

— Хватит?

— Ещё один знак.

— Ты уже не чувствуешь пальцев.

— Чувствую.

— Ли.

— Если остановлюсь сейчас, условие останется открытым.

Савва подал ей ткань.

— Заканчивай. Потом будешь спорить с ним. Желательно обеими руками.

Ли замкнула линию на ободке. Барабан тихо отозвался, хотя его никто не ударил. Красные полосы на запястьях охранников побледнели.

— Караш, встать, — приказал Алим.

Связанный командир не шевельнулся.

— Десятники, повернуться к первой повозке, — сказал Хасан-Бек.

Они остались сидеть.

— Работает, — произнёс Алим.

— Пока барабан молчит. Три удара откроют путь любому приказу, признанному командным.

— Тогда барабан будет у моего человека, — решил Хасан-Бек.

— У человека, которого выберем вместе.

— Это мой караван.

— А кровь на барабане моя. Если носитель начнёт отдавать приказы сам, ограничение развалится.

Хасан-Бек подошёл ближе.

— Вы связали половину охраны с одним предметом.

— Раньше они были связаны с голосом любого командира. Барабан хотя бы можно охранять.

— Или разбить.

— Тогда старые решения вернутся сразу.

— Значит, вы создали новую уязвимость.

— Я сделала её видимой.

Хасан-Бек велел Алимуну принести записи. Писец вернулся с узкой книгой в кожаном переплёте. На страницах шли даты прошлых переходов, отметки о замках и числе охраны.

— Три года, — сказал Хасан-Бек. — Девять повозок проходили этот путь трижды. Ни одного захвата людей.

Ли взяла книгу. В первый год замки проверяли у пяти стоянок. Во второй — у семи. В прошлом году маршрут изменили после обвала, но открытых приказов не отмечали.

— Кто вёл караван тогда?

— Другой проводник.

— Охрана приносила присягу на крови?

— Да.

— Штифты в осях меняли?

Алим поднял глаза.

— При чём здесь оси?

— В первой повозке новый штифт. Глеб видел белый надрез.

Хасан-Бек повернулся к писцу.

— Их заменили перед торгом?

— Проверяли после горной дороги. Три оси имели трещины.

— Все девять? — спросила Ли.

— Я сказал: три.

В старых записях белых отметок у осей не было.

— Раньше либо маршрут был другим, либо в повозки добавили новое условие.

— Нападение повредило замок, — сказал Хасан-Бек. — Без стрелы ничего бы не произошло.

— Стрела открыла щель. Приказ уже находился внутри.

— И оставался внутри до нападения.

— Значит, прежняя защита удерживала его лучше.

Хасан-Бек забрал книгу.

— Тохта-Мерген знал о десятом гробе и человеке-ключе. Он пришёл не случайно.

— Это не делает саркофаг безопасным.

— Я сказал, что его перевозили.

— Мне нужно осмотреть замок изнутри.

— Вы уже видели пластины.

— Через щель. Я не знаю, чем они связаны с осью.

— Откроете саркофаг — выпустите больше приказов.

— Если не открою, не узнаю, почему они начали действовать сейчас.

— Нет.

Спор прервал звук ножа, выскользнувшего из ножен.

Один из охранников в дальнем ряду стоял на коленях. Его руки не были связаны: проверка показала слабую реакцию. Теперь он прижал лезвие к горлу.

— Непригодный тыл подлежит уничтожению, — произнёс он.

Савва ударил его по запястью, нож упал. Охранник потянулся за ним другой рукой. Глеб навалился сзади и прижал его к снегу.

— Он не получал нового приказа, — сказал Хасан-Бек.

— Это старое решение. Барабан не отменяет того, что уже принято.

Охранник бился под Глебом и повторял одну фразу. Савва надавил пальцами под челюстью. Тело обмякло.

— Жив, — сказал он. — Но после пробуждения держите руки связанными.

Хасан-Бек посмотрел на нож.

— Открываем замок. Я, Алим и вы. Глеб остаётся снаружи.

— Савва тоже войдёт.

— Зачем лекарь?

— Чтобы отличить вред человеку от вреда печати.

— Возьмите.

Первую повозку отвели на край лагеря. Барабан перенесли следом и поставили между связанными охранниками. Рядом остался Глеб. Он проверил узлы и тихо спросил:

— Сколько ты скрыла?

— Что?

— Пальцы.

— До утра пройдёт.

— Ты в это веришь?

— Мне нужно работать.

— Это не ответ.

Ли посмотрела на барабан.

— Правка держится на моей крови. Если условие начнут ломать, онемение усилится. Теперь доволен?

— Нет. Но знаю, что охранять.

Хасан-Бек приказал открыть внешний засов. Алим снял бронзовую скобу. Ли провела нефритом по почерневшей линии своей крови. Замок раскрылся на ширину ладони.

Внутри лежали красные пластины по форме человека. Некоторые сдвинулись после боя. Между ними шли металлические полосы, соединявшие «руки» с основанием.

Савва заглянул через плечо Ли.

— Мёртвый правитель оказался деревянным и всё равно требует больше ухода, чем живой.

— Не касайся надписей.

— Я лекарь. Мы стараемся не трогать больное без платы.

Ли вставила нефрит между двумя пластинами. На нижней была формула о непригодном тыле. От неё металлическая полоса уходила к полу повозки.

— Подними фонарь, — сказала она Алиму.

Свет упал на основание. Возле крепления лежала светлая металлическая крошка. Она не походила на бронзу замка. Частицы были матовыми, с серым отливом.

Ли собрала крупинку на край нефрита. Пальцы свело сильнее. Такой состав она видела в Алтайской кузнице: примесь надрезала контуры печатей, чтобы оружие входило в чужое условие.

Белый Порох.

Крошка лежала не у замка. Она сыпалась снизу, от места, где металлическая полоса уходила к осевому штифту.

Ли подняла нефрит и посмотрела на Алима.

— Стрела только открыла повозку. Приказам расчистили путь ещё до выхода с торга.

Глава 6. Красная присяга

Внутреннюю повозку писца поставили боком к ветру. Дорожный стол крепился к полу, ящики под ним упирались в железные скобы. Сейчас повозка стояла, и работать было легче.

Ли сидела напротив Чэнь Мэй. Между ними лежали три версии присяги. Китайский лист был испачкан песком, на тюркском сохранилась вмятина от бесцветного пальца. Монгольский текст Алим принёс только утром, хотя раньше уверял, что копию испортила вода. Бумага была чистой и пахла дымом.

— Вода у вас странная, — сказала Ли. — Сушит лист и коптит края.

Чэнь Мэй склонилась над строкой, чтобы скрыть улыбку.

Алим стоял у задней дверцы. Он держал реестр под мышкой и не садился.

— Копию нашли в сундуке старшего возчика. Он перепутал связки.

— Старший возчик умеет читать по-монгольски?

— Теперь уже неважно.

— Значит, не умеет.

Снаружи Савва проверял охранников. Он посадил четверых у колеса и велел каждому по очереди повторять строки присяги. Ли оставила дверь приоткрытой, чтобы видеть их запястья.

Ли велела Чэнь прочитать три версии ухода из каравана. Китайская формула отпускала нанятого после Девятых ворот при возврате имущества. Тюркская требовала от ушедшего раньше оставить дороге равное тело. Монгольская допускала замену свидетелем, которого признают хозяин и дорога.

Охранники за дверью реагировали на разные строки по-разному: у одного нагрелся шрам на словах о воротах, у другого полоса стала ярче при упоминании тела, третий повернулся к бесцветному отпечатку свидетеля. Нефрит подтвердил все три текста. Каждый обещал иной выход и назначал отдельную цену людям, которым объявили общий найм.

Чэнь сверила листы и записала реакции на полях под собственным именем. В самих формулах нигде не назывались согласие человека и его право выбрать замену. Расхождение принадлежало договору, а не переводчице.

Савва кашлянул за дверью.

Ли разложила листы по краю стола и попросила трёх охранников положить рядом бирки. На китайском тексте первая бирка нагрелась у слов о воротах. На тюркском вторая прилипла к строке о равном теле. Монгольский лист притянул третью к бесцветному отпечатку свидетеля. Одна присяга уже распределяла людей по разным ценам, хотя вслух им объявили общий найм. Чэнь записала реакции на полях и поставила возле каждой своё имя, чтобы позднее Алим не мог назвать расхождение ошибкой перевода.

Ли нашла свидетелей отказа на обороте китайского листа. Бледная приписка проявлялась в тени: «Отказ действителен, если назван перед теми, чья кровь подтверждала путь». Речь шла не обо всей охране, а о первоначальных свидетелях, которые понимали цену и ещё могли отказаться сами.

Алим назвал условие бесполезной лазейкой: оно не давало права уйти, потому что люди приняли плату. Ли отделила найм от владения телом. Плата подтверждала службу, но не превращала человека в имущество дороги. Чужая кровь могла закрепить больше написанного имени, однако это не отменяло необходимость понятного свидетельства.

Писец положил реестр на стол, рассчитывая завершить спор официальной записью. Ли удержала лист ладонью, хотя пальцы после работы с барабаном слушались хуже. Условие отказа существовало, и теперь его нельзя было свести к ошибке переводчика.

Чэнь вынесла на отдельный лист имена людей, присутствовавших при первом найме. Их пришлось собирать по разным следам: подписи лежали в реестре, отметки платы — в расход-

ной книге, а подтверждение крови сохранилось на восковой чаше. Несколько имён писали в двух формах, поэтому Чэнь сверяла не звук, а бирку, руку и место человека в строю. Каждый совпавший след она обводила обычной тушью, не соединяя знаки общей рамкой.

Савва привёл тех, кого удалось найти возле повозок. Людей ставили по одному, не называя заранее нужную строку. Ли показывала оборот листа, Чэнь читала условие на языке нанятого, а Савва следил, чтобы испытуемый мог остановить проверку. У одного охранника красная полоса дошла до локтя и погасла после отказа. У другого бирка осталась холодной: он пришёл уже после торга и не мог свидетельствовать о первоначальной крови.

Алим записывал результаты рядом, но Ли заставила его отделить проверенный факт от вывода. В первой графе стояло, кто присутствовал; во второй — на какую формулу ответило тело; в третьей — понял ли человек цену. Пустые клетки оставили пустыми. Дорога любила принимать отсутствие записи за разрешение, поэтому Чэнь перечеркнула свободное место одной линией и подписала: «Не установлено». Это не давало выхода, но лишало писца возможности позднее вписать удобного свидетеля.

Дверца открылась. Глеб вошёл, пригнув голову. На полушубке лежал снег. Он поставил на край стола деревянную миску с кашей.

— Савва велел принести еду.

— Я предсказал голод, — поправил Савва снаружи.

Глеб заметил три листа.

— Нашли выход?

— После Девярых ворот, — сказала Чэнь.

— А до них?

Ли указала на тюркскую строку.

— Дороге надо оставить равное тело.

— Моё имя прикрытия подойдёт.

— Имя не тело.

— Григорий Ворон принят в охрану. Пусть он останется в списке, а Глеб уйдёт.

— Присяга уже взяла твою кровь.

— Имя определяет, кого признаёт договор.

— А кровь показывает, кого он может удержать. Чаша ответила на тебя, когда ты назвался Григорием. Значит, имя прикрытия стало дверью, а вошёл через неё Глеб Воронец.

— Тогда оставим дверь.

— Печать удержит человека.

Ли отодвинула миску.

— Ты предлагаешь проверить договор телом.

— Своим.

— Ты всегда говоришь это так, будто после слова «своим» спор закончен.

Глеб посмотрел на Алима и Чэнь.

— Хотите поговорить без свидетелей?

— Нет. Именно свидетелей нам сейчас не хватает.

Алим не вмешивался. Это насторожило Ли сильнее возражений. Писец слушал их спор и запоминал, на какую цену Глеб согласится сам.

— Если оставить моё имя, остальные смогут уйти? — спросил Глеб.

— Нет. Договор требует тело, равное каждому покинувшему. Твоё предложение освобождает только тебя, если дорога вообще примет замену.

— Значит, сделаем меня равным группе.

— Ты опять предлагаешь готовое решение, не спросив остальных.

Глеб положил ладонь на край стола.

— Мы пришли за Белым Порохом. Он в повозках. Если уйти нельзя, я могу удержать дорогу, пока вы выйдете.

— Ты не знаешь, что именно придётся удерживать.

— Поэтому выясним.

— Глеб, твоя память не запас серебра.

— Я это знаю.

— Ты ведёшь себя иначе.

Чэнь Мэй опустила взгляд на листы. Савва перестал шуровать в лекарском ящике. Даже Алим стоял неподвижно.

Глеб ответил не сразу:

— После Алтая мы договорились не решать друг за друга.

— Договорились.

— Тогда назови цену. Решать буду я.

Ли хотелось напомнить о прежних потерях. Но запретить ему выбор означало решить за него.

Она подвинула к нему монгольский лист.

— Цена сейчас неизвестна. Поэтому решение отложено. До тех пор ты не предлагаешь себя дороге как замену.

— А ты не скрываешь найденные условия.

Ли удержала его взгляд.

— Согласна.

Ли согласилась, но оставила невысказанным другое: на внутреннем сгибе китайского листа она уже нашла строку об единственном верном переводе. На глазах Алима эта находка могла исчезнуть или стать новым условием.

Глеб взял миску и подвинул её обратно.

— Тогда ешь. Условия хуже читаются, когда человек падает на текст.

— Это говорит человек, который вчера ел у лошади.

— Она не возражала.

— Она кусала хозяина, — напомнила Чэнь.

— Значит, разговор поддерживала.

Савва засмеялся, но сразу поморщился: сведённая рука ещё болела.

Алим раскрыл реестр.

На развороте был указан срок маршрута: Соляной круг должен замкнуться на рассвете тридцать второго дня. По реестру шёл третий день; до срока оставалось двадцать девять суток. Путь подтверждали девять остановок, и у каждой заранее был вписан человек, обязавшийся встретить караван.

Поручителям обещали плату и защиту дороги. Если караван пропускал остановку, реестр считал их отказавшимися после принятия платы, а долг переносил на людей, чья кровь уже стояла в строках. На первой стоянке таких было трое, дальше число росло.

Свернуть можно было только ценой этих людей. Алим сформулировал выбор прямо: караван либо проходит все остановки, либо оставляет вписанных дороге. Глеб понял, что срок связывает их не одной присягой, а цепью чужих обязательств.

Глеб посмотрел на Ли. Дорога действительно искала носителя.

Ли пролиستала реестр. Возле каждой остановки стоял знак, похожий на часть человеческого тела. Метки связывали маршрут, но пока не складывались в понятную форму.

— Почему тридцать второй день? — спросила она.

— Соляной круг открывается на один рассвет. Если опоздаем, ждать придётся год.

— И что станет с охраной?

— Присяга продолжит путь без каравана.

— Через людей?

— Через тех, кого признает дорога.

Глеб коротко посмотрел на неё. Предложение оставить его имя перестало казаться только его безумной догадкой: метки остановок сходились к живому носителю.

— Кто устанавливал срок? — спросила Ли.

— Хасан-Бек получил право на проход.

— От кого?

— В городе узнаете.

— Удобный город. До него ответы не доживают.

Алим закрыл реестр.

— Выйти можно после Девярых ворот. До них вы либо идёте, либо платите заменой.

— Это не право выхода. Присяга без возможности отозвать согласие является принуждением.

— Люди знали срок.

— Они не знали, что строка исчезает при чтении.

Чэнь подняла голову.

— Я не знала.

— Ты переводила, — сказал Алим.

— Я не могла произнести то, чего не видела.

— Ты видела утром.

— После того как госпожа Линь остановила чтение.

Алим посмотрел на неё долгим взглядом.

— На дороге переводчик отвечает за смысл.

— Тогда дайте переводчику право остановить найм при расхождениях, — сказала Ли.

— Это разрушит порядок.

— Только ваше удобство.

Снаружи трижды ударили по дереву. Люди начали запрягать лошадей. Барабан Полковода оставался между связанными охранниками; пока его должен был нести Савва.

Ли сложила китайский лист. На внутреннем сгибе проступила строка: «При разночтении верным признаётся язык, которым назван путь». Она закрыла лист прежде, чем Алим подошёл.

— Мне нужна копия всех трёх версий, — сказала она.

— Получите выписку.

— Полные копии.

— Они принадлежат каравану.

— Я проверяющая печатей. Вы сами внесли это право.

— Вы имеете право осматривать повреждённый груз.

— Присяга повреждена. Половина охраны тому свидетель.

— До вечера, — сказал Алим.

— До выхода. Иначе караван останется без мастера.

В дверях появился Хасан-Бек.

— Дайте ей копии, — сказал он. — Но оригиналы останутся у Алима.

Писец начал переписывать. Чэнь взяла второй лист. На строке о телесной замене Алим пропустил слова о признании дороги.

— Дopiшите.

— Они подразумеваются.

— В присяге нет подразумеваемых тел.

Он дописал.

Чэнь закончила монгольскую копию и поставила рядом свою отметку переводчика. Затем добавила: «Сверено вслух и молча».

Алим заметил приписку.

— Зачем?

— Чтобы строка не исчезла второй раз.

— Это не установленная форма.

— Теперь установлена на моей копии.

Ли позволила себе короткую улыбку и спрятала листы под одежду. Строку о единственном верном переводе она переписала отдельно на узкой полосе бумаги. Полоску вложила за нефритовую пластину, пока Алим записывал чернильницу.

Глеб ждал у двери.

— Значит, остаётся? — спросил он.

— До Девярых ворот и дальше, если не найдём другой способ. Мы должны пройти все остановки и понять, что связывает маршрут.

— Простая кража отменяется.

— Белый Порох распределён по системе. Один штифт ничего не решит.

— Тогда украдём всю систему.

— Попробуй сначала украсть кашу у Саввы. Это безопаснее.

Савва поднял миску здоровой рукой.

— Поздно. Она уже признана мной и дорогой.

Глеб вышел первым. Ли задержалась у стола и посмотрела на реестр. Алим собирался убрать его в ящик, когда бумага под его ладонью нагрелась.

На полях появилась красная точка. Она вытянулась в строку. Чернила шли сами, оставляя чёткие знаки.

Алим попытался закрыть реестр, но Ли удержала крышку.

Строка завершилась.

«Пустое знамя принято дорогой».

Глава 7. Совет Полководца

Караван тронулся после заката. Днём люди спали возле повозок, а лошади доедали урезанную порцию овса. Потерянные в Волчьем Горле мешки уже сказались: возчики стали чаще смотреть на кормовые сумы и реже ругать животных.

Передовой дозор вышел на полчаса раньше. Глеб взял четверых всадников и молодого следопыта по имени Турсун. Боро показала проход между двумя белыми гребнями и велела не спускаться в долину, пока не проверят ветер.

— Там две дороги, — сказала она. — Правая короче. Левая остаётся видна с горы.

— Значит, пойдём по правой, — решил Турсун.

— Значит, сначала посмотрим, почему она короче, — ответил Глеб.

Боро протянула ему моток чёрной шерсти.

— Оставляй на кустах. Камни дорога переставляет.

— А шерсть?

— Пока не вернула. Если вернёт, привяжем к Карашу. Он тяжёлый.

Савва высунулся из лекарьских саней.

— К руке привяжите. Остальное мне ещё пригодится.

Дозор поднялся на гребень. Ночь была ясной, снег светился под луной. Слева тянулась широкая ложбина, защищённая от ветра. Справа дорога уходила между камней и дальше терялась в целине.

Турсун показал на тёмные точки в снегу.

— Следы там.

Глеб спешился и поднял один комок ножом. Внутри оказался обгоревший войлок.

— Их разложили руками, — сказал он.

— Чтобы мы решили, что там прошли кони?

— Чтобы мы поехали в ложбину.

На дальнем гребне блеснуло что-то острое. Свет появился на миг и пропал. Луна стояла сбоку, так что металл не мог поймать её с той точки.

Блеск повторился ниже. Два зеркала передавали сигнал. Наблюдатели хотели, чтобы дозор спустился в ложную долину, а караван пошёл следом.

Глеб опустился на колени и провёл рукавицей по насту. Под верхней коркой лежал рыхлый снег. Если туда войдёт тяжёлая повозка, полоз провалится до камней, и развернуть упряжь не получится. На выходе из ложбины темнели два выступа. Между ними легко поставить лучников.

— Почему дорога выглядит наезженной? — спросил Турсун.

Глеб срезал краем ножа белую корку. Под ней открылся отпечаток широкой деревянной лопаты.

— Её пригладили сверху. Коней здесь не было.

— Много работы ради одной ловушки.

— Караван везёт достаточно, чтобы люди поработали ночью.

Один охранник указал на гребень. Там снова мелькнул свет, теперь два раза подряд. В ложбине шевельнулась тёмная точка и скрылась за камнем. Наблюдатели проверяли, принял ли дозор приглашение.

Под ключицей нагрелся шрам присяги.

Сначала пришёл не голос, а готовое решение. Отправить одного всадника по ложбине. Остальным залечь у выхода. Наблюдатель раскроет место, когда приманка окажется под ним.

Решение было точным. Всадник почти наверняка погиб бы, зато дозор взял бы человека живым.

Глеб потёр грудь через кафтан.

— Турсун, слезай с коня.

Следопыт побледнел, но выполнил.

— Я пойду в долину?

— Нет. Проверишь правый проход.

Турсун выдохнул и сразу смутился.

— Я не боялся.

— Конечно. Просто лицо замёрзло.

Охранники тихо засмеялись. Напряжение ушло, но шрам обжёт сильнее.

Голос появился без звука. Смысл лёг в мысли сразу: воин, которого нельзя отдать ради победы, уже управляет командиром.

Глеб ответил про себя: живой человек не стрела.

Полководец предложил другой путь. Идти ниже правого прохода, вдоль полосы, где ветер срезал снег до камней. Там кони не оставят ясного следа. Отряд выйдет за спину наблюдателю.

Совет не требовал чужой жизни. Глеб посмотрел на склон. Ветер шёл справа и бил в лицо. Под камнями тянулась полоса серого льда.

— Поведём коней пешком, — сказал он. — Спускаемся под гребень.

— Боро указала дорогу выше, — напомнил Турсун.

— Наблюдатель тоже её видит.

Они привязали коней в каменной чаше. Один охранник остался с ними. Остальные пошли по ветру. Снег заметал отпечатки раньше, чем люди успевали отойти на несколько шагов.

Глеб двигался первым. Через сотню шагов склон сузился. Справа поднималась скала, слева снег уходил вниз без видимого дна.

Полководец снова коснулся шрама. На этот раз показал тёмную трещину между двумя выступами.

Глеб остановился. Сам он ещё не видел, куда она ведёт.

— Почему стоим? — спросил Турсун.

— Слушаю ветер.

— Он говорит?

— Пока ругается.

У трещины лежала ветка можжевельника, сломанная недавно. Выше виднелся след сапога. Совет оказался верным.

Глеб поднялся, но обогнул выступ слева. Из памяти Полководца пришёл старый порядок засады, но нынешнего человека за камнем он не показывал.

Наблюдатель лежал у края гребня. Рядом стояло маленькое зеркало на деревянной ножке. Мужчина следил за ложбиной и не смотрел назад.

У зеркала Глеб нашёл кожаный чехол с клеймом в виде волчьей пасти. Такое же клеймо было на стреле, ударившей в замок у Волчьего Горла. Под камнем лежал овёс, завернутый в ткань. Значит, наблюдатель собирался провести здесь всю ночь и ждал караван не по догадке.

— Наш человек? — спросил Турсун.

— Тохта-Мергена.

Пленный отвернулся, но пальцы у него дрогнули. Этого ответа хватило.

Глеб прижал нож к его шее.

— Не двигайся.

Наблюдатель дёрнулся. Турсун навалился ему на ноги, охранники связали руки. Мужчина попытался раздавить зубами костяную трубку, спрятанную за щекой. Глеб успел вставить рукоять ножа между зубов.

— Выплонь.

Пленный мотнул головой. Турсун зажал ему нос, и вскоре трубка упала в снег.

— Яд? — спросил охранник.

Глеб понюхал край.

— Свисток.

— Я знал, — сказал Турсун. — Просто помогал ему дышать правильно.

Внутри трубки лежала красная нить. Один свист мог предупредить людей в ложбине.

— Сколько вас? — спросил Глеб по-тюркски.

Пленный молчал.

Турсун попробовал свистнуть. Из трубки вышел жалобный писк.

— Ты свистеть не умеешь, — сказал мужчина.

— Теперь умею плохо. Дальше будет хуже.

Пленный скривился.

— Князь велел смотреть. Не нападать.

— Тохта-Мерген рядом?

— Идёт другой дорогой.

— Покажешь ложбину.

— Там ждут.

Шрам под ключицей нагрелся. Полководец одобрил решение, приняв пленного за прежнюю приманку.

Глеб остановился. Он почти повторил предложенную цену, только выбрал чужого человека.

— В ложбину не идём, — сказал он. — Возвращаемся к коням.

Полководец давил без слов. Пленный враг, его жизнь принадлежит победителю. Один человек может сохранить весь караван.

Глеб привязал верёвку от рук пленного к своему поясу.

— Пойдёшь рядом.

— Я замедлю вас.

— Постарайся. Мне станет веселее.

На обратном пути Глеб заранее знал, где склон станет круче и где нужно обойти выступ. Это знание не было его собственным.

Он попытался вспомнить, как выбирал путь раньше. В памяти остались ветер и трещина, но решение уже казалось общим. Полководец забрал себе часть выбора.

У лошадей пленный заговорил:

— Ты слышишь его.

— Кого?

— Полководца. Наш князь тоже слышал.

Глеб посадил его на коня и связал ноги под брюхом животного.

— Расскажешь в лагере.

— Тогда князь убьёт меня.

— Если промолчишь, Турсун будет свистеть до рассвета.

Турсун поднял трубку.

— Я быстро учусь.

— В этом и угроза, — сказал Глеб.

Караван догнал дозор у каменной гряды. Боро встретила их возле метки. Чёрная шерсть оставалась на кусте, но узел был развёрнут в другую сторону.

— Дорога трогала, — сказала она.

— Или человек.

— Человек оставил бы след.

Она посмотрела на пленного.

— Тохта-Мерген?

— Его наблюдатель. Остальные в ложной долине. Мы обошли по ветру.

Боро подняла бровь.

— Я не показывала тот путь.

— Нашёл.

Она ничего не сказала, но задержала взгляд на нём дольше обычного.

Пленного посадили у дозорного костра. Алим пришёл с реестром под мышкой. Ли появилась следом. Она держала правую руку под рукавом; пальцы после правки барабана ещё слушались плохо.

Савва осмотрел пленного.

— Цел. Даже обидно.

— Могу исправить, — предложил Турсун.

— Тогда придётся лечить. Не прибавляй мне работу.

Глеб положил перед пленным свисток.

— Имя.

— Ерден.

— Что Тохта-Мерген хочет от каравана?

— Десятый гроб.

— Зачем?

Ерден посмотрел на Алима и отвёл глаза.

— Говори, — приказал писец.

Пленный усмехнулся.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь приказывать голосом.

Шрам на его руке вспыхнул красным. Ерден согнулся от боли.

Ли схватила Алима за рукав.

— Не повторяйте.

— Он не приносил нашу присягу.

— Его рана принесла другую.

Савва поднял рукав пленного. На запястье был старый рубец в форме крюка.

— Князь связал разведчиков с собой, — сказал Ерден, когда боль ушла. — Чтобы никто не продал дорогу.

— Тохта-Мерген коснулся саркофага? — спросила Ли.

Пленный кивнул.

— Год назад мы нашли красную повозку после бури. Она стояла без людей. Замок был открыт.

— Что было внутри?

— Пластины Судьи. Князь коснулся их и заговорил его голосом. Потом ещё одним. Теперь голоса спорят в нём. Иногда он не узнаёт сыновей.

— Где повозка? — спросил Алим.

— Сгорела. Наутро ничего не осталось.

Глеб сел напротив пленного.

— Почему десятый гроб вернёт ему память?

— В нём нет своего правителя. Он принимает того, кто потерял имя между другими голосами. Князь войдёт пустым и выйдет собой.

— Это сказал Тохта-Мерген?

— Он сказал чужим голосом. Но поверил сам.

Ли посмотрела на Глеба. Слова о пустом гробе совпадали с записью в реестре точнее, чем она ожидала.

— Откуда князь узнал наш путь? — спросила она.

— Его голоса помнят остановки. Поэтому мы следим за повозками.

— Следующее нападение где? — спросил Алим.

Ерден стиснул зубы. Шрам на его руке потемнел. Ли закрыла рубец нефритовой пластиной.

— Карасу, — выдохнул пленный. — На замёрзшей реке. Под снегом есть старые промоины.

Боро наклонилась к нему.

— С какой стороны подойдут?

— С юга. Если князь ещё решает сам.

— Когда?

— Через два дня.

Ерденя увели в лекарские сани. Савва обвязал его рубец влажной тканью, чтобы видеть, если тот снова нагреется.

Ли задержала Глеба у костра.

— Как ты нашёл обход?

— По ветру.

— Боро сказала, что не показывала его.

Глеб мог соврать. Ложь была простой и никому не причиняла вреда. Но после Алтая они договорились говорить о цене до того, как она станет общей.

— Сначала Полководец предложил послать всадника в ложбину. Я отказался. Потом показал обход.

— И ты принял совет.

— Часть.

Ли сжала нефрит в онемевших пальцах.

— Больше не принимай.

— Это приказ?

— Да.

Глеб помолчал.

— Тогда объясни, чем он заплачен.

— Уже чем-то заплачен. Иначе печать не стала бы советовать второй раз.

Она отвела его к писцовой повозке. На столе лежал чистый лист и уголь. Ли нарисовала прямоугольник.

— Вспомни комнату в Алтайской кузнице, где мы впервые остались вдвоём. Нарисуй дверь и стол.

Глеб взял уголь. Он помнил жар от печей за стеной. Помнил, как Ли стояла у окна и снимала с пальцев металлическую пыль. Помнил их разговор.

Но сама комната не складывалась. Он не знал, где была дверь. Не мог вспомнить, стоял ли стол у стены или посередине.

Глеб начертил линию и остановился.

— Факт остался, — сказал он. — Место ушло.

Ли не спросила, что именно произошло в той комнате. Она забрала уголь и разломила его пополам.

— Полководец взял память о выбранной дороге. Ты принял путь, который он показал.

— Я спас людей.

— В этот раз. Следующий совет покажется ещё полезнее.

Глеб посмотрел на незаконченный рисунок.

— Я понял.

— Ты услышал приказ, а не меня.

— Сейчас мне нужен приказ.

Ли сложила лист и спрятала его вместе с копиями присяги.

Снаружи Савва позвал их к лекарским саням.

— Пленный добавил ещё одно, — сказал он. — Утверждает, что мы неправильно считаем груз.

— Девять повозок и пустое место, — ответил Глеб.

— Он говорит, десятый гроб движется вместе с караваном без повозки.

Ли посмотрела на сложенный рисунок комнаты. Глеб уже знал, где Полководец нашёл для десятого груза первое свободное место.

Глава 8. Хозяин каравана

Ночной лагерь поставили у последних алтайских камней. Дальше начиналась степь, открытая ветру и коннице. Повозки встали плотнее обычного, но между двумя главными оставили узкий проход, закрытый войлоком. Туда не пускали ни охрану, ни возчиков.

Хасан-Бек начал обход с кормовых мешков. После Волчьего Горла осталось меньше овса, чем показывал реестр. Старший возчик держал мешок за горловину и пытался объяснить потерю мышами.

— В мороз? — спросил Хасан-Бек.

— Голодная мышь и снег прогрызёт.

Хасан-Бек опустил руку в мешок и вынул обрывок верёвки. Край был перерезан ножом.

— У вашей мыши хороший клинок.

Возчик покраснел.

— Я добавил немного своей лошади.

— Теперь добавишь из своей доли. На три дня. И будешь спать у корма.

— Там холодно.

— Зато мыши согреют.

Он не стал звать охрану. Человек украл не ради продажи: его лошадь хромала и получала меньше остальных. Но если закрыть глаза сейчас, утром каждый найдёт для себя уважительную причину. Караван держался не на доверии. Он держался на том, что потери считали сразу.

У лекарской повозки Савва перевязывал раненого, которого Полководец приказал оставить в проходе. Рядом сидели двое охранников со связанными руками.

— Сколько могут идти? — спросил Хасан-Бек.

— До завтрашнего вечера шестеро не годятся для боя. Двое останутся на санях. Этот проживёт, если не начнёте трясти его ради срока.

— Мы выходим до рассвета.

— Тогда он будет ругать вас лёжа.

— Пусть ругает. Пока человек ругается, лекарю есть за что получать плату.

У входа лежал список, составленный Карашем до того, как его связали. Возле четырёх имён стояла метка: оставить при нехватке животных. Хасан-Бек провёл ногтем по первой строке.

— Всех везём.

— Караш говорил иначе, — заметил Алим, подошедший с фонарём.

— Караш говорил чужим голосом.

— Приказ был выгоден каравану.

— Выгода не делает его моим.

Алим убрал лист и промолчал. Хасан-Бек держал писца рядом, но у его повозки всегда стоял собственный человек.

У барабана дежурил Глеб. Он сидел на перевёрнутом ведре и правил ножом треснувшую рукоять. Связанные десятники находились по другую сторону костра. Пока барабан молчал, они не получали новых приказов, но оба следили за Глебом.

— Пустое знамя, — сказал один.

Глеб не поднял головы.

— С утра уже называли. Придумайте другое.

— Полководец знает тебя.

— Передай ему, что я занят.

— Он предложит место.

— Пусть сначала предложит ужин.

Хасан-Бек остановился в тени. Глеб говорил легко, но не выпускал барабан из поля зрения. После ночного дозора он стал внимательнее к собственному шраму. Ли держалась дальше и чаще смотрела на руки. Их спор не разорвал союз.

Он вошёл в главную красную повозку. Снаружи она ничем не отличалась от остальных, но её внутренний борт открывался в закрытый проход. За войлочной стеной стояла вторая повозка. Между ними на сцепках устроили комнату, которая двигалась вместе с караваном и не касалась земли отдельными полозьями.

Десятое место без десятой повозки.

Он запер дверь и снял перчатки. В комнате горела одна лампа. На узком ложе лежала Айша. Её укрывали два шерстяных одеяла, а под головой находился свёрнутый красный плащ. Лицо сохранило живой цвет, но дыхания не было видно. Кожа оставалась тёплой благодаря линиям, проведённым под ложем.

Хасан-Бек проверил бронзовую чашу у её ног. Вода в ней не замёрзла. На поверхности стоял знак замкнутого пути. Одна черта дрожала после повреждения первого саркофага.

Он сел рядом и взял дочь за руку.

— Мы вышли из Алтая, — сказал он. — Ещё восемь ворот.

Пальцы Айши не ответили. На безымянном пальце оставался след от детского кольца. Само кольцо лежало у Хасан-Бека на шее.

— Помнишь сад за старым домом? Ты пряталась в пустой бочке и требовала, чтобы я искал тебя до ужина. Я находил сразу, а потом ходил вокруг, чтобы ты не сердилась.

Он коснулся её безымянного пальца два раза. Так Айша звала его в детстве, когда рядом были чужие. Два быстрых касания означали: я здесь, подойди.

Хасан-Бек подождал и повторил знак.

Палец дочери шевельнулся. Один раз коснулся его ладони.

Затем рука сжалась.

— Назначь знамя, — произнесла Айша голосом Полководца.

Хасан-Бек не отпустил её.

— Назови себя.

— Знамя удержит строй.

— Как тебя зовут?

— Пустой человек принят дорогой. Поставь его впереди, и решения получают тело.

Голос был мужским, низким. Он выходил из горла Айши без усилия. Губы двигались мало, словно слова уже были произнесены раньше и сейчас только повторялись.

— Глеб Воронец? — спросил Хасан-Бек.

— Пустое знамя.

— Почему он?

— В нём нет старой присяги. Его можно наполнить.

Хасан-Бек вспомнил запись на полях реестра. Дорога сама приняла Глеба, хотя Алим не вносил настоящего имени. Полководец увидел в нём свободное место. Другие саркофаги могли увидеть то же самое.

— Что станет с ним после назначения?

— Он поведёт.

— А с Айшей?

Рука дочери ослабла.

— Груз дойдёт.

— Я спросил о ней.

— Груз дойдёт.

Хасан-Бек снова коснулся безымянного пальца два раза. Айша лежала неподвижно. Личного знака не было.

Он провёл большим пальцем по её ладони. При повреждённой памяти первыми могли уйти мелкие привычки. Хасан-Бек держался за это объяснение.

Айша была здесь. Остальное можно восстановить в Соляном круге.

Он поправил одеяло и вышел в главную повозку. Алим ждал у стола. Перед ним лежали осевой штифт и свёрток ткани. На металле белел неглубокий надрез.

— Ли нашла крошку внутри первого саркофага, — сказал писец. — Состав совпадает с Белым Порохом.

— Она уверена?

— Настолько, насколько мастер бывает уверен при свидетелях. Без них сказала бы больше.

— Сколько штифтов заменили?

— Три. Первый, четвёртый и седьмой.

— Их ставили наши люди?

— Мастер торга. Он исчез до выхода.

Хасан-Бек развернул ткань. Внутри лежала щепоть светлой крошки. Она липла к металлу и оставляла на коже холодный след.

— Тохта-Мерген подкупил мастера?

— Возможно. Но тогда он знал, какие оси выбрать. Штифты указывают Ли путь к слабым узлам.

— Кто направляет её?

— Тот, кому нужно, чтобы она вскрыла систему сама.

Хасан-Бек положил штифт на стол.

— Запретить осмотр остальных повозок.

— Тогда она начнёт осматривать тайно. Глеб поможет. Боро даст им время, если решит, что дорога опасна.

— А Савва?

— Будет жаловаться и приносить инструменты.

Хасан-Бек невольно усмехнулся.

— Верная оценка.

— Лучше разрешить расследование, — продолжил Алим. — Пусть найдут повреждённые соединения и исправят их. Мы увидим, какие узлы они считают важными.

— Они узнают устройство каравана.

— Часть устройства. Полной схемы нет даже у Ли.

— У тебя есть?

Алим посмотрел на закрытую дверь между повозками.

— У меня есть реестр.

Это был осторожный ответ. Хасан-Бек принял его, но запомнил.

— Дай Ли доступ к внешним креплениям трёх повозок. Внутренние пластины она осматривает только при тебе.

— А Глеб?

— Поставь у первой повозки.

— Полководец требует назначить его знаменем.

— Я слышал.

Алим впервые изменился в лице.

— Через Айшу?

— Через тело, которое мы везём.

— Она назвала имя?

— Назвала место.

Писец понял разницу. Сохранённое тело не гарантировало, что отвечает прежний человек. Но ни он, ни Хасан-Бек не произнесли этого вслух.

— Глеб может удержать несколько решений, — сказал Алим. — В Волчьем Горле приказ не вошёл в него полностью.

— Потому что он не признал командира.

— Или потому что внутри него есть свободная область.

— Полководец считает так же.

— Тогда Глеб нужен живым.

— Он нужен свободным, пока мы не поймём цену назначения.

Алим взял штифт.

— Если Ли узнает о комнате между повозками, она потребует осмотреть Айшу.

— Не узнает.

— Пустое место уже замечено.

— Пусть считает его десятой частью груза.

— Именно так она и посчитает.

Хасан-Бек подошёл к окну. За войлоком ветер гнал снег вдоль повозок. Люди отдыхали второй вечер после боя, но полноценного дня покоя не получили. Утром раненых снова уложат на сани, а лошадям придётся тянуть груз по равнине.

— Сколько до Карасу? — спросил он.

— Два дня. Если дать лошадям отдых утром.

— Отдыха не будет.

Алим раскрыл карту.

— Ерден назвал Карасу местом засады. Тохта-Мерген подойдёт с юга. На реке есть промоины.

— Знаю.

— Можно обойти севернее и выйти к первой остановке через соляные холмы.

— Потеряем сутки.

— Сохраним людей.

— Город откроется на одну ночь.

Алим положил палец на отметку первой остановки.

— До Соляного круга остаётся достаточно времени.

— Если все ворота откроются сразу. Это уже происходило.

Алим закрыл карту. В прошлый раз они опоздали на три часа, и ворота приняли вместо платы имя проводника. Через неделю мужчина перестал узнавать собственных детей.

— Карасу лежит на прямом пути, — сказал Хасан-Бек. — Мы пройдем по льду ночью.

— Тохта-Мерген этого ждёт.

— Поэтому Боро проверит промоины. Глеб поведёт передовой дозор. Ли останется у первой повозки.

— Люди не восстановились.

— Уменьши груз на обычных санях.

— После потери корма там почти нечего оставлять.

— Снимите торговые тюки.

Алим поднял взгляд.

— Они покрывают расходы каравана.

— Мёртвые не платят пошлину.

— И всё же вы везёте их к городу.

Хасан-Бек повернулся к нему.

— Осторожнее.

— Я говорю о саркофагах.

— Я тоже.

Алим склонил голову.

— Приказ будет передан.

Хасан-Бек вышел из повозки. У костра Глеб заставлял возчика переставить повреждённую упряжь подальше от головной повозки.

— Эта лошадь кусается, — сказал возчик.

— Значит, ещё здорова.

— Она меня не любит.

— На дороге это не требуется. Главное, чтобы тянула.

— А если укусит тебя?

— Тогда у нас появится общее мнение друг о друге.

Хасан-Бек подождал, пока возчик уведёт животное.

— На рассвете выход, — сказал он. — Ты поведёшь дозор к Карасу.

— Там ждёт Тохта-Мерген.

— Поэтому поведёшь ты.

— Боро знает реку лучше.

— Она проверит лёд перед караваном. Ты найдёшь людей.

Глеб посмотрел на главную повозку.

— А первую красную кто охраняет?

— Тоже ты, когда вернёшься.

— Хороший приказ. В нём один человек занимает два места.

— Полководец считает, что ты можешь занять больше.

Глеб перестал улыбаться.

— Он говорил с вами?

— Он требует нового командира.

— Назначьте другого.

— Он назвал тебя знаменем.

— Я уже отказался.

— Мне?

— Ему.

— Ты слышишь его без повозки.

Это не было вопросом. Глеб отвёл взгляд к связанным десятникам.

— Иногда.

— Что он предлагает?

— Решения, которые берегут караван и не берегут людей.

— Иногда это одно и то же.

— Нет.

— На Карасу решишь сам. Но если увидишь засаду, не пытайся победить любой ценой.

Мне нужен путь через реку.

— А люди?

— Живые проходят вместе с грузом.

Глеб кивнул. Он не доверял хозяину каравана, однако услышал границу приказа: живых не бросать.

Хасан-Бек направился к закрытому проходу. Перед входом остановился и велел охраннику отойти к костру. Внутри комнаты лампа стала слабее. В бронзовой чаше дрожала вода.

Он сел рядом с Айшей и снова взял её за руку.

— Завтра будет Карасу, — сказал он. — Ты боялась этой реки в детстве. Помнишь, как лёд трещал под мостом?

Ответа не было.

Хасан-Бек дважды коснулся её безымянного пальца. На этот раз ладонь дочери дрогнула сразу. Айша открыла глаза. Зрачки медленно нашли его лицо.

Она заговорила тихо, голосом ребёнка, которого он никогда не слышал:

— Не оставляй меня снова.

Часть II. Девять правителей

Глава 9. Император мер и зерна

У сухого русла караван остановился после рассвета. Лошади тянулись к редким кустам, но на ветках оставалась одна кора. За ночь люди прошли дальше, чем обещал Хасан-Бек, и даже здоровые садились на землю сразу после остановки.

Ли пошла к лекарской повозке. Савва держал над жаровней котелок с водой. Уголь едва тлел.

— Почему не добавишь топлива?

— Потому что казначей решил лечить раненых холодом. Способ дешёвый, результат окончательный.

Возле колеса лежала связка хвороста с красной биркой казны. Савва пытался снять её, но шрам присяги сводил пальцы.

— Кто запретил?

— Умар. Раненым оставил половину топлива, потому что они не стоят в карауле. Лошадям тоже урезал корм.

В повозке кашлянул человек с пробитым плечом. На внутренней ткани выступил иней.

— До Карасу он не доживёт без тепла, — сказал лекарь. — Рана начнёт гнить, я потрачу больше воды и ткани, а караван потеряет стрелка.

Ли коснулась бирки нефритовой пластиной. Красные знаки сразу потемнели: «Расход запрещён непроизводительной стороне». Формулировка шла не от Умара. За ней стояла память второго саркофага.

— Где казначей?

— У весов. Делит кашу так, будто зерно обидится, если попадёт не в тот рот.

Умар устроился у второй красной повозки. Перед ним стояли весы. Люди называли имя и получали крупу. Возчикам давали полную чашку, раненым — половину. Савве ничего не оставили.

На доске рядом с весами шёл список. Имена были разделены чертами. Возле каждой строки стояло число дней, которые человек, по расчёту казначея, ещё мог приносить пользу.

Ли остановилась у стола.

Ли потребовала вернуть топливо. Умар не поднял глаз: по его расчёту раненые не покрывали расход. Он говорил своим голосом, но при каждом перевесе убирал из чаши одно зерно.

Савва назвал двух раненых: один через два дня вернётся в строй, второй сможет править упряжью. Умар отказался учитывать возможный труд и поставил перед лекарем пустую чашу.

— Лекарь не производит пищу и не несёт караул.

— Зато сохраняет тех, кто это делает.

У стола уже стояли две очереди. Возчики держали полные миски, раненые — пустые. Молодой лучник с перевязанным бедром попытался перейти к рабочей стороне, но красная черта у весов отбросила его бирку к короткому списку. Женщина из обоза отлила ему половину своей каши. Чаша Умара сразу ушла вниз, и у её имени число полезных дней уменьшилось на один. Люди увидели цену помощи без новых объяснений.

Савва забрал пустые миски, расставил их возле лекарской повозки и велел каждому раненому назвать работу, которую тот сможет выполнить после перевязки. Ли записала ответы отдельно от счёта казначея.

Умар провёл кистью по имени раненого. Строка побледнела, и в лекарской повозке оборвался кашель.

Ли с Саввой бросились туда. Мирон лежал с открытыми глазами, но не отвечал и не узнавал лекаря. Имя на его бирке стало серым.

Ли вернулась к Умару и схватила доску.

— Что ты сделал?

— Исключил непроизводительную сторону из пайка.

— Ты вычеркнул человека.

— Учёт не меняет тело.

— Тогда верни имя.

— Возврат возможен после подтверждённого труда.

Ли положила нефрит на доску. Под пластиной выступили линии второй печати. Они тянулись от списка к бронзовым весам, а от весов — к красной повозке. Замок на ней оставался целым, но под осью белел новый штифт.

Память правителя действовала через меру. Умар принял её способ считать и теперь подгонял под него людей.

— Позови Хасан-Бека, — сказала Ли Чэнь Мэй.

Умар накрыл список рукой.

— Хозяин утвердил сокращённый паёк.

— Он утверждал числа до того, как ты начал стирать имена.

— Должники обязаны принять расчёт владельца долга.

Несколько возчиков опустили глаза. Они брали у Хасан-Бека серебро до найма и теперь не могли отказаться от расчёта. Их бирки нагрелись.

Ли сняла нефрит.

— Савва, проверь, что происходит со шрамами, когда Умар называет меру.

Лекарь усадил рядом трёх охранников. После полной чаши шрам не изменился. При половинной мере красная линия потянулась к ладони. Третьему отказали из-за больной ноги, и у него ослабли пальцы.

— Чем меньше пай, тем меньше прав у тела, — сказал Савва.

— Не у тела. У стороны договора.

Ли повернулась к Умару.

— Пересчитай труд. Уход за раненым тоже работа. Ремонт упряжи тоже. Человек, который поддерживает огонь, сохраняет охрану.

Казначей вынул из ящика вторую доску.

— Труд признаётся только после передачи результата владельцу.

— Раненый уже передал результат: караван вышел из Волчьего Горла.

— Этот переход оплачен.

— Тогда зачем присяга продолжает держать его?

Умар замер. На миг в глазах появилась растерянность. Затем весы сами качнулись, хотя чаши были пусты.

Из второй красной повозки пришёл голос. Он звучал через скрип оси и стук чаши о стойку:

— Непроизводительный человек не является стороной договора.

Люди у стола отступили. Умар склонил голову перед весами.

Ли положила ладонь на доску.

— Тогда он не обязан платить долг.

Чаша слева опустилась.

— Получивший защиту обязан вернуть стоимость защиты.

— Он вернул её службой.

Правая чаша опустилась следом.

— Служба закончена, если результат принят.

— Караван принял его работу, когда прошёл перевал.

Весы остановились. Красная черта на бирке Мирона стала ярче, но имя не вернулось.

— Условие признало спор, — тихо сказала Чэнь.

— Но не человека, — ответила Ли.

Хасан-Бек пришёл с Алимом и осмотрел список.

Он подтвердил, что сокращал общий паёк лишь на четверть и не разрешал лишать раненых топлива. Умар обосновал жёсткую меру потерей саней и обязательством перед зимним поселением, где погиб урожай. В его расчёте этот долг стоял выше людей, временно не способных работать.

Боро принесла обрывок пломбы и раскрыла место склада под настилом четвёртой товарной повозки. Там лежали двенадцать мешков. Хасан-Бек подтвердил подлинность пломб: знак поселения и срок доставки относились к ста семи семьям. Вскрыть запас без замены означало перенести голод на людей, которых не было у весов.

Глеб предложил взять два мешка до первой остановки. Алим назвал это кражей чужого зерна, а Хасан-Бек подтвердил обычное право: имена можно восстановить, съеденный запас — только заменить. Теперь спор касался не удобства казначея, а того, кто добровольно примет новый долг.

— Сколько нужно до Карасу? — спросила Ли Савву.

— Людям один мешок крупы. Лошадям нужен второй. Топливо можно снять с торговых саней.

— Лошадям зерно не полагается, — сказал Умар. — Их стоимость ниже стоимости обязательства.

— Без лошадей зерно останется здесь, — сказала Боро.

Казначей посмотрел на весы. Левая чаша опустилась.

— Потеря трёх животных дешевле вскрытия склада.

— А потеря повозок? — спросила Боро.

— Для девяти красных упряжь сохраняется. Остальные можно оставить.

— Среди остальных лекарская и писцовая.

Алим впервые нахмурился.

— Писцовая повозка входит в обязательный состав.

Умар быстро исправил запись.

Савва наклонился к Ли.

— Хорошо иметь писца. Его здоровье признают после упоминания бумаг.

Ли подошла к весам.

— Обычный долг можно изменить новым соглашением? — спросила Ли.

— При согласии владельца и плательщика.

— Тогда охрана купит два мешка сейчас.

Глеб понял первым.

— Из нашей платы?

— Из общей платы тех, кто согласится. Поимённо. Без приказа десятника и без записи за отсутствующих.

Умар покачал головой.

— Должники Хасан-Бека не распоряжаются будущей платой.

— Тогда пусть отдадут часть уже заработанной. За переход через Волчье Горло.

— Деньги ещё не выданы.

— Но результат принят, — напомнила Ли. — Весы это признали.

Красная повозка отозвалась глухим ударом. Умар посмотрел на Хасан-Бека.

— Если согласиться, обязательство перед поселением уменьшится.

— Я возьму зерно серебром на первой остановке, — сказал Хасан-Бек.

— Там могут не продать.

— Тогда купим корм и заменим мешки в следующем городе.

— Цена будет выше.

— Запиши долг на караван.

Умар отступил.

— Хозяин не может принять лишний долг, если существует более дешёвая потеря.

— Я хозяин и принимаю.

Весы качнулись. Красная линия пробежала по их стойке и остановилась у руки Хасан-Бека.

Ли поняла скрытое условие. Его должники обязаны были принять расчёт, но сам Хасан-Бек тоже оказался под властью долга. Память Императора мер и зерна пыталась запретить ему решение, которое не давало выгоды.

Ли потребовала назвать новую цену добровольно, иначе память Меры объявит решение ошибкой. Чэнь принесла чистый лист. В нём закрепили: два мешка открывают сейчас, каждый согласившийся отдаёт плату за один день, деньги идут на замену зерна, а отказ не меняет паёк и место человека в караване.

Умар попытался разделить доли по полезности и снова отказал раненым в равной мере. Ли вернула расчёт к уже принятому труду: люди провели караван через Волчье Горло, и весы признали результат. Первым назвал имя Глеб, затем Боро и Савва. Возле каждой строки появлялась отдельная красная точка, не превращавшая согласие в приказ для остальных.

Савва отдал день под именем Корня и потребовал отметить, что просил лекарскую надбавку за терпение. Умар отказал, но просьбу записал. После них люди подходили по одному; двое сохранили плату и не потеряли ни пайка, ни места. Когда последнее имя легло на лист, весы качнулись и остановились.

Красные линии на запястьях ослабли.

Умар открыл ящик, вынул пломбу склада и передал Хасан-Беку. Тот сломал её сам.

— Выдать один мешок кухне, — приказал он. — Второй разделить между лошадьми. Топливо вернуть лекарской повозке.

На этот раз приказ не передавали по цепи. Чэнь записала его как новое соглашение, а люди подтвердили своими именами.

Глеб помог выкатить мешки. Он посмотрел на Ли.

— Я бы вскрыл склад ночью.

— Знаю.

— Было бы быстрее.

— Зато утром Алим записал бы нас ворами, а зерно всё равно стало бы долгом.

— Теперь мы должники.

— По обычному праву. Такой долг можно вернуть серебром.

— У тебя странная радость.

— Я выбираю долг, который не умеет говорить чужими голосами.

Савва потащил хворост к повозке.

— Этот уже говорит голосом Алима.

— Я всё слышу, — сказал писец.

— Значит, голос исправен.

К полудню вода в лекарской повозке закипела. Мирон снова назвал своё имя, хотя не вспомнил Савву. Лекарь велел начать с более важного: не трогать рану.

Ли вернулась к столу казначея. Умар сидел, положив руки на колени. Весы больше не двигались сами.

— Прочитай список, — попросила она.

Он взял доску.

— Караш. Турсун. Баhti. Мирон...

На имени Мирона остановился.

— Кто это?

Савва подошёл ближе.

— Раненый в моей повозке. Ты вычеркнул его утром.

Умар посмотрел на серую строку.

— Здесь пусто.

— Имя видно всем, кроме тебя, — сказала Ли.

Казначей провёл пальцем по записи. Чернила остались на месте, но его взгляд скользнул дальше. Он не узнал ещё три имени. Это были люди, которым он отказал в полном пайке.

— Я не помню их, — сказал Умар.

Ли подняла список к свету. Красный след исчез с весов. Имена вернулись на доску, но в памяти Умара на их месте остались пустые строки.

Глава 10. Одна версия правды

Ночной караул шёл между третьей и четвёртой повозками. Их соединял узкий настил над сцепкой, закрытый с боков войлоком. Под ногами стучало дерево, за стеной скрипели полозья. Караван двигался медленно, чтобы к утру подойти к Карасу и не загнать лошадей раньше реки.

Ерден сидел у борта со связанными руками. Верёвку пропустили за скобу, поэтому подняться он мог только вместе с частью повозки. Рядом стоял старший караульный Бахти. После ранения Караша ему поручили ночную смену, и он быстро привык отдавать приказы.

Бахти заставил Ерденя снова назвать человека, сообщившего Тохта-Мергену о десятом грузе. Пленный повторил имя Мирзы Алима и объяснил, что получил сведения через посыльного на зимнем торгу; лица тот не показал. Глеб не почувствовал привычного расхождения между дыханием, взглядом и словами.

На вопросы о записке Ерден отвечал спокойно, а красный рубец менялся не от содержания, а от порядка допроса. Бахти признался, что использует караульную форму для людей, взятых с тайным знаком. Правило находилось на внутренней доске третьей повозки и раньше не проходило проверку Ли.

Глеб снял дощечку. Первая строка требовала назвать обвинение, вторая связывала ответ с именем спрашивающего, третья признавала верной одну повторённую версию. Допрос не выявлял истину — он готовил единственный допустимый ответ.

Бахти забрал дощечку у Глеба и положил перед пленным.

— Повтори: «Я называю единственную известную мне причину».

Ерден сжал губы.

— Говори.

Шрам вспыхнул.

— Я называю единственную известную мне причину.

Бронзовый замок щёлкнул. Дощечка прилипла к ладони Бахти.

— Кто передал сведения? — спросил он.

— Мирза Алим.

Тяжесть под рёбрами исчезла сразу после ответа. Проверка закончилась прежде, чем Ерден успел изменить версию, и Глеб не поверил облегчению.

— Алим велел напасть в Волчьем Горле?

— Да.

— Он заменил осевые штифты?

— Да.

— Он хочет, чтобы Тохта-Мерген захватил десятый гроб?

— Да.

Каждый ответ ложился в один ритм. Ерден не пытался остановиться. Связанная рука ползла по настилу к листу, на котором караульный записывал признание. Пальцы скребли дерево, пытаясь стереть слова до появления чернил.

— Хватит, — сказал Глеб.

— Мы получили виновного.

— Ты получил всё, что сам спросил. Спроси, украл ли Алим луну.

Бахти нахмурился.

— Не мешай.

— Спроси.

— Мирза Алим украл луну?

— Да, — ответил Ерден.

Охранники у входа переглянулись.

— Он издевается, — сказал один.

— Не может, — ответил Глеб. — Формула превращает вопрос в обвинение, а обвинение — в единственную версию.

Глеб перевернул дощечку текстом вниз и попросил Ердень назвать три вещи, которые были известны всем на настиле: число фонарей, цвет войлока и имя караульного. Пока формула не видела строки, ответы различались по длине, пленный поправил себя на втором и остановился перед третьим. Шрам на запястье оставался тёмным. Когда Бахти снова открыл первую строку, дыхание Ердень выстроилось в один ритм, а пальцы потянулись к листу признания.

Охранники сняли мерку с верёвки на его руках и отметили положение ладони углём. После каждого навязанного ответа отметка смещалась к бумаге на ширину пальца. Дощечка не узнавала виновного; она подводила тело к уже приготовленной записи. Глеб велел сохранить угольные черты и не стирать нелепый ответ про луну. Без него любой поздний читатель увидел бы только аккуратное признание.

Бахти отложил кисть.

— Тогда спросим правильно.

— Ты и раньше так думал.

— Пленный назвал Алима до формулы.

— Имя могли дать вместе с запиской.

— Ты чувствуешь ложь.

— Сейчас чувствую согласие тела со словами. Это не одно и то же.

Ерден поднял голову. В глазах появилась боль.

— Отмени формулу.

Бахти схватил его за ворот.

— Признаёшь, что лгал?

— Я признаю всё, что ты вложишь в вопрос.

Караульный потянул его ближе.

— Мирза Алим предал караван?

— Да.

— Ты видел его на торгу?

— Да.

Глеб снова ощутил телесную правду. Дыхание Ердень совпадало со словами, мышцы не сопротивлялись. Печать привела тело к версии и сделала признание действительным.

Из третьей повозки донёсся слабый скрежет. Там находился саркофаг Немого судьи. Ли ещё не открывала его, но память уже нашла человека, готового владеть одной формулировкой.

— Отпусти пленного, — сказал Глеб.

— Хасан-Беку нужен ответ.

— Ему нужен верный ответ.

Бахти протянул признание охраннику.

— Отнести Алим.

Глеб перехватил лист.

— Пока он никуда не пойдёт.

— Ты не начальник караула.

— А ты уже не ведёшь допрос. Ты кормишь саркофаг.

Бахти шагнул к нему. На запястье караульного проступила тёмная полоса. Она шла от пальцев, державших дощечку, к старому рубцу найма.

— Верни лист.

Глеб не подчинился. Полоса поднялась выше. Барабан находился далеко и молчал, значит, действовала другая печать. Немой судья не управлял руками напрямую. Он давал одному человеку право считать свою версию единственной.

— Почему ты уверен в виновности Алима? — спросил Глеб.

— Пленный назвал его.

— До этого ты подозревал писца?

— Нет.

— Ты читал эту форму раньше?

Баhti открыл рот и не ответил.

— Когда снял дощечку?

— Перед допросом.

— Почему выбрал эту сцепку?

— Здесь меньше ветра.

Глеб приподнял войлок. В щель ударил холод.

— Здесь ветер сильнее.

Баhti стиснул кулаки.

— Ты защищаешь Алима.

— Я защищаю нас от ответа, который сам подбирает вопросы.

Охранники у входа заспорили. Один требовал передать лист Хасан-Беку, второй предлагал позвать Ли. Ердэн дотянулся до края признания связанными руками.

Баhti ударил его сапогом по кисти.

— Не трогай доказательство.

Глеб оттолкнул караульного.

— Ещё раз ударишь — будешь допрашивать снег.

— Он враг.

— Поэтому его слова надо проверять.

Баhti потянулся к мечу. Глеб заметил, что тот смотрит только на лист. Пока признание существовало, караульный владел версией и мог заставлять остальных принять её.

Глеб сложил бумагу пополам.

— Не рви! — Баhti бросился к нему.

Глеб ушёл в сторону, подставил ногу и прижал его к борту. Караульный бился сильно, но защищал текст, а не себя.

— Ответ по установленной форме, — сказал Глеб.

— Отпусти.

— Повтори: «Я называю единственную известную мне причину».

Баhti замолчал. Дощечка на настиле развернулась строками к нему.

— Говори.

— Я называю единственную известную мне причину, — выдавил он.

— Почему посадил пленного у третьей повозки?

— Хотел получить признание.

— Почему поверил сразу?

— Хотел виновного.

Полоса дошла до локтя.

— Ты знал, что формула заставит его подтверждать вопросы?

— Нет.

— Готов был передать признание без проверки?

— Да.

— Хотел истины или права наказать?

Баhti попытался отвернуться. Замок щёлкнул.

— Права наказать.

Из повозки донёлся удар. Бронза покрылась инеем. Печать потеряла владельца: человек, назначавший единственную версию, сам признал свою вину в её создании.

Глеб отпустил Бахти. Караульный сел на настил и прижал руку к груди. Полоса быстро уходила. Ерден закашлялся и выплюнул на дерево кровь. Его шрам тоже побледнел.

— Как тебя зовут? — спросил Глеб.

— Ерден.

— Кто сообщил о десятом грузе?

Пленный долго дышал.

— Я не знаю.

Глеб почувствовал сбой. Тело сопротивлялось словам: плечи напряглись, взгляд ушёл. Обычная человеческая ложь обрадовала его больше прежней правды.

— Ещё раз.

— Мне оставили записку.

— Где?

— Под седлом на торгу.

— Имя было внутри?

— Мирза Алим.

— Ты видел писца?

— Издали. Не знаю, он ли написал.

— Почему назвал его нам?

— Князь велел следовать сведениям из записки.

— Что ещё там было?

— Число повозок. Пустое место. Условие, что человек-ключ идёт среди новой охраны.

Глеб развязал верёвку у скобы, но руки пленного оставил связанными.

— Бумага сохранилась?

Ерден посмотрел на сапог.

— В подошве.

Бахти поднял голову.

— Мы обыскивали его.

— Плохо, — сказал Глеб.

Охранник снял левый сапог. Под стелькой нашли свёрнутый клочок. Бумага отсырела, но строки сохранились. Почерк был мелким, похожим на руку писца. Внизу стояло имя Алима.

— Вот доказательство, — сказал Бахти.

— Вот бумага с именем.

Глеб поднёс клочок к лампе. Волокна были плотнее обычных. На просвет проступили линии водяного знака.

— Из реестра, — сказал охранник. — Алим держит такие листы.

— Держит. Но доступ к писцовой повозке есть не только у него.

Ерден протянул связанные руки к бумаге.

— На другой стороне был знак.

Глеб перевернул клочок. Чернила почти стёрлись. Осталась птица с длинной шеей и вытянутыми ногами. Крылья складывались в круг.

— Что это?

— Не знаю. Записка была сложена знаком внутрь.

— Тохта-Мерген видел?

— Да. Знак ему незнаком.

Один из караульных шагнул ближе.

— Если мы не задержим Алима сейчас, он уничтожит остальные листы.

— А если бумагу взяли из его повозки без него? — спросил Глеб.

— Тогда он всё равно отвечает за хранение.

— За плохой замок отвечают иначе, чем за предательство.

Охранник посмотрел на Бахти, надеясь услышать приказ, но старший сидел у борта и не поднимал головы. Простого виновника больше не было, и это злило людей сильнее, чем неизвестность.

Глеб оторвал от признания чистый край и приложил к записке. Волокна совпадали, однако бумага признания тоже вышла из дорожного ящика. Такой лист мог взять писец, переводчик или человек, дежуривший возле реестра.

— До утра никто не касается писцовой повозки без свидетеля, — сказал Глеб. — Двое встанут у входа. Один из людей Бахти, второй из хвостового десятка.

— Ты всё же подозреваешь Алима, — заметил охранник.

— Я подозреваю бумагу. Она пока единственная не пыталась командовать.

Ерден впервые за допрос коротко усмехнулся, но сразу поморщился: шрам на запястье ещё болел.

Глеб убрал бумагу за пазуху.

— Пленного возвращаем Савве. Бахти остаётся здесь без оружия до решения Хасан-Бека.

— Ты лишаешь караул старшего перед Карасу.

— Ты чуть не лишил караван писца без проверки.

— Алим может быть виновен.

— Может. Поэтому пока жив и может ошибиться.

Савва спал в лекарской повозке, прислонившись к ящику. Услышав шаги, открыл один глаз.

— Если привели нового раненого, положите с краю.

— Он цел.

— Тогда зачем разбудили? Целые спорят больше больных.

Ерден сел у колеса. Савва проверил его рубец и велел держать руку над тёплой водой.

Ли осматривала осевой штифт первой повозки при свете закрытого фонаря. Глеб дождался, пока Алим уйдёт к головным саням.

Глеб показал Ли клочок, найденный в сапоге Ерденя. Он не мог подтвердить правдивость пленного: формула заставила тело принять навязанную версию, и привычное чувство лжи не сработало. Ошибку выдало поведение. В Волчьем Горле Ерден был готов умереть за князя, а на допросе соглашался с каждым обвинением и перестал защищать Тохта-Мергена.

Ли признала проверку по поступкам верной. Способность Глеба читала согласие тела со словами, но тело тоже можно принудить. Отныне они будут спорить до проверки носителя, а не объявлять один источник истины главным.

На обороте записки сохранилась птица с длинной шеей и ногами, сложенными в круг. Ли не узнала ни караванную метку, ни знак клана. Сначала они решили показать рисунок Чэнь, которая видела бумаги торго, затем снять копию и лишь после этого нести оригинал Хасан-Беку: реестр мог поглотить улику.

Впереди караван начал замедляться. Из темноты донёсся треск льда, хотя до Карасу оставалось несколько часов. Боро приказала остановить головные сани и проверить землю.

Ли закрыла фонарь.

— На допросе потерял что-нибудь ещё?

Глеб попытался вспомнить настил до появления формулы. Помнил Ерденя, Бахти и бронзовый замок. Путь не исчез.

— Пока нет.

— Тогда не принимай советов Полководца на реке.

— Это я помню.

Они пошли к головным повозкам. За пазухой Глеба лежало признание, от которого он отказался, и клочок бумаги с именем Алима. Улика стала слабее, зато на просвете у неё появилась птица с длинными ногами — единственная часть записки, которую никто не заставлял произносить вслух.

Глава 11. Ошибка переводчика

К ужину повозки поставили вокруг низкого костра. Караван ещё не дошёл до Карасу, но лёд уже отзывался под снегом далёким треском. Боро велела не разводить большой огонь: свет был виден в степи дальше, чем человеку хотелось.

Чэнь Мэй сидела у переводческой повозки и переписывала список караулов. После истории с Ерденом Алим приказал сверять каждую запись двумя руками. Он выразился именно так, хотя писать двумя руками не умел ни один человек в караване.

— Значит, одной пишу, второй удерживаю писца, — сказала Чэнь.

— Второй держишь оригинал.

— Это менее полезно, но выполнимо.

У костра Савва разливал кашу. Он черпал со дна, чтобы зерно доставалось каждому. Умар стоял рядом и следил за чашками, хотя после вчерашнего не помнил троих людей, которым сам отказал в пайке.

— Эта порция больше, — сказал он.

— Потому что человек больше, — ответил Савва.

— Мера не зависит от роста.

— Тогда налей одинаково лошади и Алиму. Посмотрим, кто первый возразит.

Чэнь закончила список и вышла к огню. Глеб сидел возле Ердения. Пленному развязали ноги, руки оставили стянутыми спереди. Ли проверяла барабан у первой повозки. После ночного допроса она запретила караульным читать вслух правила с внутренних досок.

Последний кусок сушёного мяса вызвал спор. Два охранника потянулись к нему одновременно, а Савва разломил кусок пополам.

— Теперь оба недовольны поровну. Это и есть честная мера.

Один из связанных десятников поднял голову. Красная полоса на его шее потемнела. Чэнь заметила это раньше остальных и поставила чашку на снег.

— Не просите его решать, — предупредила она.

Десятник заговорил по-монгольски. Голос принадлежал ему, но слова шли старой формой:

— Общая пища требует общего решения. Назовите того, кто отвечает за раздел.

Умар повернулся к нему и ответил по-тюркски:

— Отвечает тот, у кого мера. Остальные принимают долг по его счёту.

Третьим заговорил Бахти. После допроса он сидел без оружия у писцовой повозки. Теперь он произнёс по-китайски:

— Истинной считается одна мера, названная перед свидетелями.

Люди вокруг костра перестали есть. Каждый понимал один язык или два, поэтому все посмотрели на Чэнь.

— Переведи, — приказал Алим.

Она поднялась. Три памяти выбрали трёх носителей и тянулись к общей формуле. Если передать слова одинаково, охрана повторит их для соседей. Разъяснение станет общей присягой.

Чэнь указала на десятника.

— Он предлагает выбрать человека, который разделит пищу.

Потом повернулась к Умару.

— Казначей говорит, что расход должен подтвердить тот, кто ведёт счёт.

Слова Бахти она передала иначе:

— Караульный требует записать решение при свидетелях.

Алим нахмурился.

— Они сказали одно?

— Они спорят об одном мясе.

— Переведи ближе к тексту.

— Тогда половина охраны услышит формулу, а вторая половина повторяет.

— Ты переводчик. Не исправляй говорящего.

— Я не исправляю. Я не даю трём говорящим стать одним.

Ли уже шла к костру. Она положила нефритовую пластину на край барабана, но не ударила.

— Мэй права. Не повторяйте фразы за носителями.

Десятник повернулся к Чэнь.

— Назови общий смысл.

Умар повторил по-тюркски:

— Назови единственную меру.

Бахти сказал на китайском:

— Ошибка переводчика не отменяет признанной истины.

Чэнь ощутила холод под рёбрами. Последняя фраза была построена не по-китайски. Так говорил её отец, когда переносил чужой порядок слов в родную речь.

Она посмотрела на Бахти. Тот не знал китайского. До нынешнего каравана он торговал лошадьми и выучил лишь несколько ругательств.

— Продолжай, — сказал Алим.

Чэнь перевела:

— Бахти считает, что смысл важнее точности слов.

Ли взглянула на неё. Она услышала замену.

Умар провёл пальцем по краю чаши.

— Тот, кто делит меру, несёт чужой долг.

Чэнь перестала дышать.

Её отец всегда ошибался именно так. В тюркском выражении речь шла об ответственности за принятое решение. Он переводил его как «нести чужой долг». Мать смеялась, что после таких слов любой купец спрячет кошель. Отец обещал исправиться и снова повторял тот же оборот.

В последнем письме перед исчезновением он написал: «Если задержусь, не неси чужой долг».

Умар повторил фразу.

— Переводи, — сказал Алим.

— Он говорит, что решение казначея затронет остальных.

Ли подошла ближе.

— Остановись.

— Я справляюсь.

— У тебя дрожат пальцы.

— Холодно.

— У костра?

Савва поднял полено.

— Могу добавить. Умар потом забудет, что запретил.

Казначей не отреагировал. Его взгляд оставался направлен на Чэнь.

Ли сказала тише:

— Ты узнала фразу.

— Я устала.

— Тогда перевод закончен.

Алим закрыл реестр.

— Перевод не закончен, пока стороны не поняли друг друга.

— Стороны поняли достаточно, чтобы спорить.

Десятник требовал назначить старшего над общим решением. Умар настаивал, что старшим должен быть владелец меры. Бахти утверждал, что верной станет версия, которую все повторят без изменения.

Охранники начали переспрашивать соседей. Один уже произнёс половину фразы Умара, объясняя её русскому лучнику.

Чэнь перебила:

— Казначей отвечает за свою чашу.

— Не так, — возразил Алим.

— Именно так сейчас безопасно.

— Безопасность не даёт права менять смысл.

— А ваша присяга давала право прятать строку о теле?

Алим сжал губы. Чэнь использовала паузу и заставила носителей говорить отдельно. Десятнику задала вопрос о карауле, Умару — о зерне, Бахти — о записи допроса. Пока темы не совпадали, голоса не могли сложить общий приказ.

— Кто принимает решение за всех? — спросила она десятника.

— Тот, кого признаёт строй.

— Кто отвечает за меру? — спросила Умара.

— Тот, кто держит весы.

— Какую версию записать? — обратилась она к Бахти.

— Единственную.

Чэнь повернулась к охране.

— Первый требует командира. Второй оставляет счёт казначею. Третий хочет одну запись. Общего решения нет.

Носители заговорили одновременно. Три языка смешались над костром, но ритм стал одинаковым. Красные шрамы на запястьях отозвались один за другим.

Ли схватила барабан за обод.

— Не отвечать хором!

Савва ткнул ложкой русского охранника, который собирался повторить услышанное.

— Ешь. С набитым ртом присяга выходит хуже.

Глеб встал между носителями и остальными.

— По одному. Или молчите все.

Десятник повернул голову к нему.

— Знамя выбирает приказ.

— Знамя сейчас выбирает кашу.

— Назови старшего.

— Савва. У него ложка.

— Не втягивай меня, — сказал лекарь. — Я отвечаю только за котёл.

Несколько людей засмеялись. Общий ритм сбился. Умар вздрогнул, но память снова вернула его лицо к Чэнь.

— Переводчик, назови верную форму.

Бахти повторил на китайском:

— Скажи так, как учил тебя отец.

Чэнь услышала собственный вдох. Ли шагнула к ней, но остановилась.

— Мэй, не отвечай ему.

Бахти улыбнулся чужой улыбкой.

— Мэй-цзы у западного окна.

Домашнее имя ударило точнее приказа. Отец называл её так только дома. Добавка про западное окно появилась после того, как Чэнь в семь лет разбила ставню и три дня прятала щепки под циновкой. Отец знал и никому не сказал.

Никто в караване не мог слышать эту фразу.

— Что он сказал? — спросил Глеб.

Чэнь смотрела на рот Бахти. Ей хотелось ответить. Одно слово подтвердило бы связь. Потом можно было спросить, где отец и что хранит память саркофага.

Ли не повторила запрет. Она ждала её решения.

Бахти позвал снова:

— Мэй-цзы.

Чэнь подняла чашку и сделала глоток. Каша давно остыла.

— Караульный требует, чтобы переводчик подтвердил его версию, — сказала она.

— Это не перевод, — произнёс Алим.

— Другого не будет.

— Ты поняла обращение?

— Поняла требование.

Чэнь поставила чашку.

— Теперь каждый получит свой перевод. Ни один не будет старше двух других.

Десятнику она сказала по-монгольски:

— Строй признаёт старшего только на время общего дела. После него приказ заканчивается.

Умару перевела на тюркский:

— Держатель весов отвечает за свой расчёт и не переносит цену на человека без согласия.

Бахти она сказала по-китайски:

— Запись сохраняет слова свидетелей, но не делает одну память хозяином остальных.

Три версии касались одного спора, но не складывались в общую формулу. Десятник сказал, что его смысл искажён. Умар потребовал общего счёта. Бахти велел признать ошибку переводчика.

Чэнь повторила свои переводы без изменений.

Шрамы охранников нагрелись, однако общий приказ не возник. Печать пыталась выбрать старшую формулировку и упиралась в две другие.

Из третьей красной повозки донёсся глухой удар. Вторая ответила скрипом весов. Первая протянула по сцепкам короткий звон. Три памяти спорили через собственные якоря.

— Ещё раз, — сказала Ли.

Чэнь повторила переводы в третий раз.

Красная полоса на шее десятника разделилась и погасла. Умар опустил голову, его чашка выпала в снег. Бахти закрыл рот обеими руками.

У костра стало тихо. Слышно было, как лошади жуют корм за повозками.

Савва поднял упавшую чашку.

— Хорошая работа. Каша не пострадала.

Умар моргнул.

— Почему я стою?

— Потому что сидя спорить было неудобно.

Десятник посмотрел на связанные руки.

— Я говорил?

— Много, — сказал Глеб. — Польза была меньше.

Бахти не помнил китайских слов. Он жаловался, что язык онемел. Савва осмотрел его и велел до утра не пробовать незнакомые языки.

Люди вернулись к ужину. Теперь каждый пересказывал спор своими словами, но Чэнь пресекала попытки восстановить общую формулу.

— Не повторяйте дословно.

— Почему? — спросил молодой возчик.

— Потому что дословно они пытались нанять вас без платы.

Возчик закрыл рот и занялся чашкой.

Ли отвела Чэнь к переводческой повозке. Внутри горела маленькая лампа. На столе лежали копии присяги.

— Как тебя назвали? — спросила Ли.

— Я не ответила.

— Я слышала. Домашнее имя было настоящим?

Чэнь сняла перчатки. Пальцы всё ещё дрожали.

— Отец переводил для караванов. Он исчез три года назад на дороге Хасан-Бека.

— Тебе сказали, что он погиб?

— Повозка ушла под лёд. Тело не нашли. Его сумку вернули пустой.

— Оборот про чужой долг принадлежал ему?

Чэнь кивнула.

— Это не доказывает, что говорил отец, — сказала Ли.

— Знаю.

— Память могла взять его слова у другого человека. Или взять часть его памяти.

— Я тоже знаю.

Ли села напротив.

— Поэтому ты пришла к каравану?

— Я пришла работать переводчиком.

— Это ответ для Алима.

— Пока другого не будет.

Ли не стала давить. Она подвинула чистый лист.

— Запиши три версии, которые дала сегодня. Отдельно. Без общего заголовка.

— Зачем?

— Они удержали печати от единого приказа.

Чэнь взяла кисть.

— Моя ошибка стала методом.

— Ты не ошиблась. Ты отказалась выбрать хозяина смысла.

Чэнь записала первую версию. На второй рука перестала дрожать. Третью закончила без помарок.

Снаружи Алим остановился у двери.

— Госпожа Линь, Хасан-Бек ждёт отчёт.

— Получит утром.

— Переводчик останется. Нужно сверить реестр первой остановки.

Ли посмотрела на Чэнь. Та кивнула: уходить от вопроса сейчас означало показать больше, чем ответить.

Алим дождался, пока Ли выйдет, и закрыл дверь. Затем сел на её место. Реестр он не открыл.

— Сегодня один из носителей говорил по-китайски, — сказал он.

— Баhti повторял чужие слова.

— Он обратился к тебе.

— Требовал единственного перевода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.